

Наринэ Абгарян
Манюня

Книга — лауреат премии *Рукопись года*

Наринэ Абгарян
Манюня
Серия «Манюня», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632685
Манюня / Наринэ Абгарян: АСТ, Астрель-СПб; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-069090-9, 978-5-9725-1849-4*

Аннотация

«Манюня» – светлый, пропитанный солнцем и запахами южного базара и потрясающе смешной рассказ о детстве, о двух девочках-подружках Наре и Манюне, о грозной и доброй Ба – бабушке Манюни, и о куче их родственников, постоянно попадающих в казусные ситуации. Это то самое теплое, озорное и полное веселых приключений детство, которое делает человека счастливым на всю жизнь.

Книга – лауреат премии «Рукопись года»

Содержание

Вместо вступления	5
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	66
Глава 7	80
Глава 8	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Абгарян Наринэ Манюня

*Маме и папе – с чувством бесконечной любви и
благодарности*

Вместо вступления

Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шебутной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости? Через речку перекинут старый каменный мост, крепкий, но совсем невысокий, и в половодье вы-

шедшая из берегов река бурлит помутневшими водами, норовя накрыть его с головой.

Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов? Словно холмы встали в круг, плечом к плечу, вытянули вперед руки, сомкнув их в неглубокую долину, и в этой долине выросли первые низенькие сакли. И потянулся тонким кружевом в небеса дым из каменных печей, и завел пахарь низким голосом оровел...¹ «Анииии-ко, – прикладывая к глазам морщинистую ладонь, надрывалась древняя старуха, – Анииии-ко, ты куда убежала, негодная девчонка, кто будет гату печь?»

Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую наружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится белая безымянная речка? А потом, не обращая внимания на табличку с грозной надписью: «Охраняется государством», – лазить по крепости в поисках потаенных проходов и несметных богатств?

У этого замка удивительная и очень грустная история. В X веке он принадлежал армянскому князю Цлику Амраму. И пошел князь войском на своего царя Ашота II Багратуни, потому что тот соблазнил его жену. Началась тяжелая междоусобная война, на долгие годы парализовавшая страну, которая и так была обескровлена набегами арабских завоева-

¹ Традиционная армянская песня пахаря.

телей. А неверная и прекрасная княгиня, терзаемая угрызениями совести, повесилась в башне замка.

Долгие столетия крепость стояла на неприступной со всех сторон скале. Но в XVIII веке случилось страшное землетрясение, скала дрогнула и распалась на две части. На одной сохранились остатки восточной стены и внутренних построек замка, а по ущелью, образовавшемуся внизу, побежала быстрогоногая речка. Старожилы рассказывали, что из-под крепости и до озера Севан проходил подземный туннель, по которому привозили оружие, когда крепость находилась в осаде. Поэтому она выдержала все набеги кочевников и, не случись того землетрясения, до сих пор высилась бы целая и невредимая.

Городок, выросший потом вокруг развалин, называли Берд. В переводе с армянского – крепость.

Народ в этом городке весьма и весьма специфический. Более упрямых или даже остервенело упертых людей никто в мире не видывал. Из-за своего упрямства жители городка заслуженно носят прозвище «упертых ишаков». Если вы думаете, что это их как-то задевает, то очень ошибаетесь. На улицах часто можно услышать диалог следующего содержания:

– Ну чего ты добиваешься, я же бердский ишак! Меня убедить очень сложно.

– Ну и что? Я тоже, между прочим, самый настоящий бердский ишак. И это еще вопрос, кто кому сейчас уступит!

А чтобы не быть голословной, приведу пример знамени-

того упрямства бердцев.

Летом в Армении празднуют Вардавар – очень радостный и светлый, уходящий корнями в далекое языческое доисторье, праздник. В этот день все от мала до велика поливают друг друга водой. С утра и до позднего вечера, из какой угодно тары. Единственное, что от вас требуется, – хорошенечко намылиться, открыть входную дверь своей квартиры и встать в проеме. Можете не сомневаться: за порогом вас поджидает толпа промокших до нитки людей, которые с диким криком и хохотом выльют на вас тонну воды. Вот таким нехитрым способом можно помыться. Шучу.

На самом деле, если вас на улице незнакомые люди окатили водой, обижаться ни в коем разе нельзя – считается, что вода в этот день обладает целительной силой.

Так вот. Апостольская Церковь попыталась как-то систематизировать народные праздники и, пустившись во все тяжкие, утвердила за Вардаваром строго фиксированный день. Совершенно не принимая в расчет упертость жителей нашего городка.

А стоило бы. Потому что теперь мы имеем следующую ситуацию: по всей республике Вардавар празднуют по указке Церкви, а в Берде – по старинке, в последнее воскресенье июля. И я вас уверяю, издай Католикос специальный указ именно для жителей нашего городка, ничего путного из этого не вышло бы. Пусть Его Святейшество даже не пытается, так ему и передайте. С нашими людьми можно договориться

только тогда, когда они этого хотят.

То есть никогда.

Теперь, собственно, о главных героях нашего повествования.

Жили-были в городке Берд две семьи – Абгарян и Шац.

Семья Абгарян могла похвастаться замечательным и нестигаемым как скала папой Юрой, самоотверженной и прекрасной мамой Надей и четверьмя разнокалиберными и разновозрастными дочерьми – Наринэ, Каринэ, Гаянэ и Со-на. Потом в этой счастливой семье родился долгожданный сын Айк, но случилось это спустя несколько лет после описываемых событий. Поэтому в повествовании фигурируют только четыре девочки. Папа Юра работал врачом, мама преподавала в школе русский язык и литературу.

Семья Шац могла похвастаться Ба.

Конечно, кроме Ба, семья Шац включала в себя еще двух человек: дядю Мишу – сына Ба, и Манюню, Дядимишину дочку и, соответственно, внучку Ба. Но похвастаться семья, в первую очередь, могла Ба. И лишь потом – всеми остальными не менее прекрасными членами. Дядя Миша работал инженером, Ба – мамой, бабушкой и домохозяйкой.

Долгое время герои нашего повествования практически не общались, потому что даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды случилась история, которая сблизила их раз и навсегда.

Это был 1979 год. На носу 34-я годовщина Победы. Наме-

чалось очередное мероприятие в городском доме культуры с участием ветеранов войны. На хор бердской музыкальной школы была возложена ответственная миссия – исполнить «Бухенвальдский набат» Соболева и Мурадели.

Хор отчаянно репетировал, срывая голос до хрипоты. Замечательный хормейстер Серго Михайлович бесконечно страдал, подгоняя басы, которые с досадным постоянством на полтакта зависали во вступлении. Серго Михайлович заламывал руки и причитал, что с таким исполнением «Бухенвальдского набата» они опозорятся на весь город и в наказание хор расформируют к чертям собачьим. Хористы почему-то расстраивались.

Настал день икс.

И знаете, что я вам скажу? Все бы обошлось, если бы не длинная двухступенчатая скамья, на которую во время коротенького антракта лихорадочно водрузили второй и третий ряды хористов. Все складывалось образцово – песня полилась ровно и прочувствованно, басы вступили неожиданно вовремя, Серго Михайлович, дирижируя, метался по сцене такими зигзагами, словно его преследовала злая оса. Хористы равномерно покрывались мурашками от торжественности момента. Зал, по первости заинтригованный хаотичными передвижениями хормейстера, проникся патетическим набатом и притих.

Ничто, ничто не предвещало беды.

Но вдруг. На словах. «Интернациональные колонны с на-

ми говорят». Хор услышал. У себя. За спиной. Странный треск. Первый ряд хористов обернуться не посмел, но по вытянувшемуся лицу хормейстера понял, что сзади происходит что-то ужасное.

Первый ряд дрогнул, но пения стоически не прервал, и на фразе: «Слышите громовые раскаты? Это не гроза не ураган», – скамейка под вторым и третьим рядами с грохотом развалилась, и ребята посыпались вниз.

Потом ветераны удивлялись, как это они, будучи людьми достаточно преклонного возраста, гремя орденами и медалями, перемахнули одним прыжком через высокий борт сцены и стали разгребать кучу-малу из детей.

Хористы были в отчаянии – все понимали, что выступление провалено. Было обидно и тошно, и дети, отряхивая одежду, молча уходили за сцену. Одна из девочек, тощая и высокая Наринэ, сцепив зубы, тщетно пыталась выползти из-под полненькой и почему-то мокрой Марии, которая тихой мышкой лежала на ней.

– Ты хоть подвинься, – прошипела она.

– Не могу, – прорыдала Мария, – я описалась!

Здесь мы делаем глубокий вдох и крепко задумываемся. Ибо для того, чтобы между двумя девочками зародилась люта-тая дружба на всю оставшуюся жизнь, иногда просто нужно, чтобы одна описала другую.

Вот таким весьма оригинальным образом и подружались Наринэ с Манюней. А потом подружались их семьи.

«Манюня» — это повествование о советском отдаленном от всяких столиц городке и его жителях. О том, как, невзирая на чудовищный дефицит и всевозможные ограничения, люди умудрялись жить и радоваться жизни.

«Манюня» — это книга для взрослых детей. Для тех, кто и в тринадцать, и в шестьдесят верит в хорошее и смотрит в будущее с улыбкой.

«Манюня» — мое признание в бесконечной любви родным, близким и городу, где мне посчастливилось родиться и вырасти.

Приятного вам чтения, друзья мои.

И да, кому интересно: наш хор таки не расформировали. Нам вручили грамоту за профессиональное исполнение «Бухенвальдского набата» и премировали поездкой на молочный комбинат.

Лучше бы расформировали, честное слово.

Глава 1

Манюня знакомит меня с Ба, или Как трудно у Розы Иосифовны пройти фейсконтроль

По ходу повествования у вас может сложиться впечатле-

ние, что Ба была вздорной, упертой и деспотичной особой. Это совсем не так. Или не совсем так. Ба была очень любящим, добрым, отзывчивым и преданным человеком. Если Ба не выводить из себя – она вообще казалась ангелом во плоти. Другое дело, что вызвериться Ба могла по любому, даже самому незначительному, поводу. И в этот нелегкий для мироздания час операция «Буря в пустыне» могла показаться детским лепетом по сравнению с тем, что умела устроить Ба! Легче было наместить в совок и выкинуть за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозиного разрушительного гнева.

Я счастливый человек, друзья мои. Я несколько раз сталкивалась лицом к лицу с этим стихийным бедствием и таки выстояла. Дети живучи, как тараканы.

Нам с Маней было по восемь лет, когда мы познакомились. К тому времени мы обе учились в музыкальной школе, Маня – по классу скрипки, я – фортепиано. Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение – остервенелую плоскость. Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. Если у Мани в этот день случалось занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр – он был совсем не тяжелый, но для нас, маленьких девочек, достаточно громоздкий.

Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой – знакомиться с моей семьей.

Маня замялась.

– Понимаешь, – потупилась она виновато, – у меня Ба.

– Кто? – переспросила я.

– Ну Ба, баба Роза.

– И что? – Мне было непонятно, к чему Маня клонит. – У меня тоже бабушки – Тата и Настя.

– Так у тебя бабушки, а у меня Ба, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У Ба не забалуешь! Она не разрешает мне по незнакомым людям ходить.

– Да какая же я тебе незнакомая? – развела я руками. – Мы уже целую вечность дружим, аж, – я посчитала в уме, – восемнадцать дней!

Манька поправила съехавшую с плеча бретель школьного фартука, разгладила торчащий волан ладошкой. Попинала коленом футляр скрипки.

– Давай так, – предложила она, – я спрошу разрешения у Ба, а на следующем занятии расскажу тебе, что она сказала.

– Ты можешь мне на домашний телефон позвонить. Дать номер?

– Понимаешь, – Маня смотрела на меня виновато, – Ба не разрешает мне названивать незнакомым людям, вот когда мы с тобой ОФИЦИАЛЬНО познакомимся, тогда я буду тебе названивать!

Я не стала по новой напоминать Мане, что мы уже вроде

как знакомы. Значит, подумала я, так надо. Слово взросло-го было для нас законом, и, если Ба не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тай-ный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл.

На следующем занятии по сольфеджио Манюня протяну-ла мне сложенный вчетверо альбомный лист. Я осторожно развернула его.

«Прелестное письмо» моей подруги начиналось с таин-ственной надписи:

«Наринэ, я тебя приглашаю в субботу сего 1979 г. в три часа дня. Эсли можеш, возьми собой альбом с семейными фотографиями».

Мое имя было густо обведено красным фломастером. Внизу цветными карандашами Манька нарисовала малень-кий домик: из трубы на крыше, само собой, валил густой дым; в одиноком окошке топорщилась лучиками желтая лампочка Ильича; длинная дорожка, петляя замысловатой змейкой, упиралась прямо в порог. В почему-то зеленом небе из-за кучерявого облака выглядывало солнце. Справа, в самом углу, сиял пучеглазый месяц со звездой на хвосте. Надпись внизу гласила: «Синний корандаш потеряла, поэта-му небо зеленое, но это ничево. Конец».

Я прослезилась.

Собирала меня мама в гости как на Судный день. С утра она собственноручно выкупала меня так, что вместе с кожей сошла часть скудной мышечной массы. Потом она туго заплела мне косички, да так туго, что не только моргнуть, но и вздохнуть я не могла. Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть. Вот приблизительно так я себя и чувствовала, но моя неземная красота требовала жертв, поэтому я стоически выдержала все процедуры. Затем мне дали надеть новое летнее платье – нежно-кремовое, с рукавами-буф и кружевным подолом.

– Поставишь пятно – выпорю, – ласково предупредила мама, – твоим сестрам еще донашивать платье за тобой.

Она торжественно вручила мне пакет с нашим семейным альбомом и коробкой конфет для Ба. Пакет был невероятно красивый – ярко-голубой, с одиноким красавцем-ковбоем и надписью «MARLBORO». Таких пакетов у мамы было несколько, и она берегла их как зеницу ока для самых торжественных случаев. Кто застал дефицит советской поры, тот помнит, сколько сил и неимоверной смекалки нужно было затратить, чтобы достать такие полиэтиленовые пакеты.

– Не ставь локти на стол, не забудь поздороваться и говорить спасибо, веди себя прилично и не скачи по дому как

ненормальная, – мама продолжала выкрикивать инструкции по поведению, пока я сбегала вниз по ступенькам нашего подъезда. – Платье береги!!! – Голос ее настиг меня уже у выхода и больно кольнул в спину.

– Хорошоооооо!

* * *

Маня в нетерпении переминалась возле калитки своего дома. Издали приметив меня, она побежала навстречу.

– Какая ты сегодня красивая, – выдохнула она.

– Для твоей бабушки старалась, – пробубнила я. Весь мой боевой запал мигом куда-то улетучился, у меня двоилось в глазах, не разгибались колени и предательски потели руки.

Маня заметила мое состояние.

– Да ты не волнуйся, у меня мировая Ба, – она погладила меня по плечу, – ты только во всем соглашайся с ней и не ковырайся в носу.

– Хорошо, – каркнула я – в довершение ко всему у меня пропал голос.

Маня жила в большом двухэтажном каменном доме с несколькими лоджиями. «Зачем им столько лоджий?» – лихорадочно соображала я, пока шла по двору, но спросить об этом постеснялась. Мое внимание привлекло большое тутовое дерево, раскинувшееся в непосредственной близости от дома. Под деревом стояла длинная деревянная скамья.

– Мы здесь с папой по вечерам играем в шашки, – пояснила Манюня, – а Ба сидит рядом и подсказывает то мне, то ему. Ор стоит! – Манька закатила глаза. Мне стало еще страшнее.

Она толкнул входную дверь и шепнула:

– Ба, наверное, уже вынимает песочное печенье из духовки.

Я повела носом – пахло чем-то нестерпимо вкусным. Дом, достаточно большой снаружи, внутри оказался компактным и даже маленьким. Мы шли по длинному, узкому коридору, который упирался в холл. Слева была деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Напротив стоял большой комод из черного дерева, увенчанный двумя латунными семисвечниками, на полу лежал ковер с тонким восточным рисунком, вся стена над комодом была увешана фотографиями в рамках. Я подошла поближе, чтобы разглядеть лица на фотографиях, но Маня дернула меня за руку – потом. Она указала на дверь справа, которую я не сразу заметила.

– Нам туда!

И тут силы окончательно покинули меня. Я поняла, что не в состоянии ступить и шага.

– Не пойду, – горячо зашептала я, – возьми пакет, тут конфеты для твоей бабушки и наш семейный альбом с фотографиями.

– Ты чего? – Маня вцепилась мне в руку. – Совсем с ума сошла? Пойдем, у нас еще мороженое есть!

– Нет, – я отступила к входной двери, схватилась за ручку, – я не ем мороженое. И печенье не ем, и вообще мне уже пора домой! Меня мама зажала!

– Нарка, ты соображаешь, что творишь? – Манька повисла на мне и попыталась отодрать от дверной ручки. – Куда ты пойдешь, что я Ба скажу?

– Не знаю, что хочешь, то и говори, – перевес сил был явно в мою пользу, еще минута – и я бы вырвалась из дома.

– Что это вы тут затеяли? – Внезапно прогремевший сзади трубный глас пригвоздила нас к полу.

– Ба, она совсем с ума сошла, хочет домой уйти, – Маня все-таки оторвала меня от дверной ручки и толкнула в коридор, – стесняется тебя, вот ненормальная!

– А ну-ка, марш обе на кухню! – скомандовал трубный глас.

Я молча поплелась за Маней, не поднимая глаз. Боковым зрением воровато выхватила большую ступню в теплом домашнем тапке да кусочек платья в мелкий цветочек.

Кухня мне сразу понравилась. Она была очень просторной, с многочисленными шкафчиками, низким абажуром и простенькими ситцевыми шторами на окнах.

– Сейчас будем знакомиться, – голос прогремел прямо за моей спиной.

Мне стало страшно, как в приемной у врача.

Но выхода не было, пришлось оборачиваться. Ба пристально смотрела на меня поверх своих больших очков. У

нее оказались светлые карие глаза и седые выющиеся волосы, которые она стянула в пучок на затылке. Она была достаточно грузной, но, как потом оказалось, совершенно легкой на подъем и несла свое большое тело с невероятным достоинством. Еще у нее была родинка на щеке – кругленькая и смешная. Я вздохнула с облегчением. Это была обычная бабушка, а не огнедышащее чудище!

Маня подошла к Ба и обняла ее за талию. Прижалась щекой к ее животу.

– Скажи, Нарка – ПРЕЛЕСТЬ? – спросила.

– Вы все прелестные, только когда спите, – отрезала Ба и обратилась ко мне: – Ну что, девочка, будешь со мной здороваться или как?

– Здравссьти, – пискнула я.

– Здравствуй, коль не шутишь, – Ба фыркнула, а потом коротко рассмеялась.

Я чуть не лишилась чувств – Ба смеялась так, словно где-то у нее в животе терзают несчастное животное.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Ба, ну я же тебе говорила, – встряла Маня.

– Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, – одернула ее Ба. Манюня надулась, но промолчала.

– Наринэ, – пискнула я, а потом, мобилизовав остатки сил, добавила: – Очень приятно с вами познакомиться!

Видимо, несчастное животное внутри практически домучивали, потому что хохот, который издала Ба, больше напо-

минал агонизирующий хрип.

– Долго репетировала речь? – спросила она меня сквозь свой апокалипсический смех.

– Долго! – призналась я виновато.

– А что это у тебя в руках?

– Пакет, это подарок вам!

– Ты мне в подарок пакет принесла? – прищурилась Ба. – Это до чего же дефицит людей довел, что в подарок уже пакеты несут!

– Там еще конфеты и наш семейный альбом, – я сделала нерешительный шаг и протянула пакет.

– Спасибо, – Ба заглянула в пакет, – ооооо, трюфели, это же мои любимые конфеты!

У меня словно камень с души свалился. Я счастливо вздохнула и выпятила грудь.

– Ты чего такая худющая? – Она подозрительно окинула меня взглядом с ног до головы и сделала пальцем круговое движение. – Ну-ка повертись!

Я повертелась.

– Мама мне по две пары колготок надевает, потому что ноги у меня такие тонкие! Она боится – люди скажут, что меня дома голодом морят, – пожаловалась я.

Ба расхохоталась, да так, что стало ясно – палач, сидевший в ее животе, взялся за новую жертву. Отсмеявшись, она снова принялась меня изучать. Мне очень хотелось произвести на нее хорошее впечатление. Я вспомнила, как мама

учила нас держать спину правильно, – задрала плечи к ушам, отвела их сильно назад и опустила – теперь моя осанка была идеальной.

Видимо, Ба оценила мои старания. Она еще с минуту глядела на меня, потом хмыкнула:

– Грудь моряка, жопа индюка!

Я решила, что это комплимент, поэтому вздохнула с облегчением и смело подняла глаза.

Тем временем Ба достала из шкафчика большой розовый фартук и протянула его мне.

– Это мой фартук, надень его, ничего страшного, что он тебе велик. Заляпаешь свое красивое платье – мама потом по головке не погладит, верно?

Я виновато кивнула и напялила фартук. Манюня помогла мне завязать его сзади. Я прошлась по кухне – фартук болтался на мне, словно флаг на мачте корабля при сильном ветре.

– Сойдет, – благосклонно кивнула Ба.

Потом она усадила нас за стол, и я впервые в жизни попробовала ее выпечку.

Вы знаете, какое восхитительное печенье пекла Ба? Я больше никогда и нигде в жизни не ела такого печенья. Оно было хрупкое и тоненькое, почти прозрачное. Берешь аккуратно двумя пальцами невесомый песочный лепесток и испуганно задерживаешь дыхание – иначе ненароком выдохнешь, и он разлетится в пыль. Нужно было отломить кусо-

чек и поддержать его во рту – печенье моментально таяло, и язык обволакивало щекочущее тепло. И только потом, по маленькому осторожному глоточку, можно было это сладкое счастье отправлять себе прямиком в душу.

Ба сидела напротив, листала альбом и спрашивала меня. а кто это, а это кто?

Потом, узнав, что мамина родня живет в Кировабаде, всплеснула руками: «Так она моя землячка, я ведь родом из Баку!»

Потребовала наш домашний телефон, позвонить маме.

– Как ее по отчеству? – спросила.

Я от волнения забыла значение слова «отчество». Глаза заматались по лицу, я густо покраснела.

– Не знаю, – пискнула.

– Ты не знаешь, как твоего деда зовут? – глянула поверх очков на меня Ба.

– Аааааааа! – Я моментально вспомнила, что означает злополучное слово. – Андреевна она, Надежда Андреевна.

– Чудо в перьях! – хмыкнула Ба и стала важно крутить диск телефона.

Сначала они с мамой общались на русском. Потом Ба, покосившись на нас, перешла на французский. Мы с Маней вытянули шеи и выпучили глаза, но ни одного слова не поняли. По ходу разговора у Ба постепенно расцветало лицо, сначала она улыбалась, потом разразилась своим катастрофическим смехом – мама, наверное, на том конце провода выронила от

неожиданности трубку.

– Ну, до свиданья, Надя, – закончила Ба разговор, – в гости придем, конечно, и вы приходите к нам, я испеку свой фирменный яблочный пирог.

Она положила трубку и посмотрела на меня долгим, чуть рассеянным взглядом.

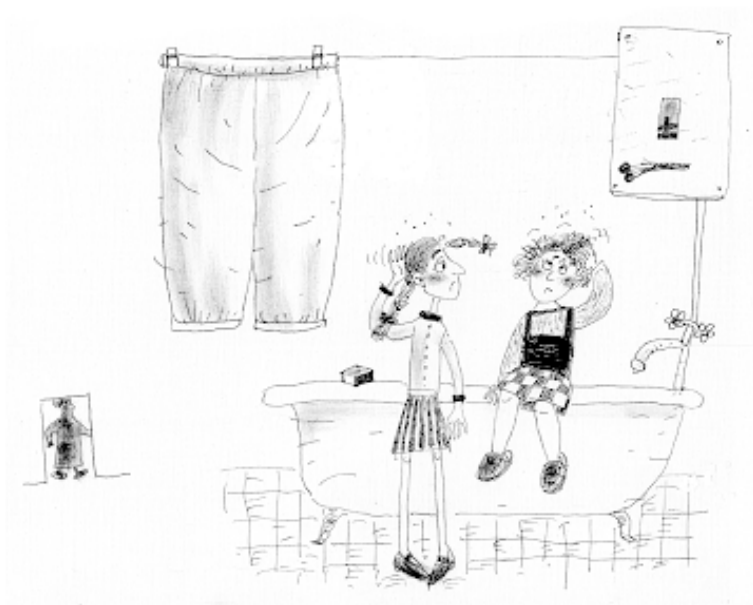
– А ты, оказывается, хорошая девочка, Наринэ, – сказала.

Мне до сих пор удивительно, как я в тот момент умудрилась не лопнуть от распиравшей меня гордости!!!

Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое. Потом мы пили кофе с молоком и чувствовали себя взрослыми, потом Ба пригладила рукой выбившуюся у меня прядь волос. «Горе луковое», – сказала, и ладонь у нее была большая и теплая, а Маня поцеловала меня в щечку, и губы у нее были липкие, а кончик носа совсем холодный.

Глава 2

Манюня, или Тумбаны бабы Розы

– У меня, кажется, завелись вошки, – задумчиво протянула Манюня. Мы сидели у нее в комнате, и я, перегнувшись через подлокотник кресла, доставала с полки шашки.

– Откуда ты это взяла? – На всякий случай я отодвинулась

от Мани на безопасное расстояние.

– Я чувствую ШЕВЕЛЕНИЕ у себя в волосах, – Манюня многозначительно подняла вверх указательный палец, – какое-то ТАИНСТВЕННОЕ ШЕВЕЛЕНИЕ, понимаешь?

У меня тоже сразу таинственно зашевелилось в волосах. Я потянулась к голове и тут же отдернула руку.

– Что же нам делать? – Манюня была обескуражена. – Если кто узнает об этом, то мы опозоримся на весь город!

– А давай наберем полную ванну воды, нырнем туда с головой и будем сидеть на дне тихо, пока вошки не задохнутся! – предложила я.

– Сколько понадобится времени, чтобы они задохнулись? – спросила Маня.

– Ну, не знаю, где-то час, наверное.

У Маньки заблестели глаза, видно было, что идея ей пришла по душе.

– Давай, – согласилась она, – только, чур, ни слова Ба, а то она запретит нам залезать в ванну.

– Клянусь всем, что у меня есть, – я не знала в годы моей глубокой молодости клятвы страшнее!

– Да? – засомневалась Маня. – А что с тобой будет, если ты не сдержишь своего слова? Тебя за это посадят в тюрьму и отберут все, что у тебя есть?

Я растерялась. Интересно, какая участь ожидает людей, нарушивших клятву? Воображение рисовало усеянные червями склизкие стены тюрьмы и мучительную, но заслужен-

ную смерть в пытках. Мы какое-то время озадаченно помолчали. Манька убрала шашки обратно на полку.

– Не будем клясться, – решительно сказала она, – давай так: кто проболтается бабушке, тот говнюк!

– Давай, – с облегчением согласилась я. Перспектива быть говнюком пугала куда меньше, чем мучительная смерть в тюрьме.

Мы тихонечко выползли из комнаты подруги. Маня жила в доме весьма своеобразной планировки – чтобы попасть в ванную, нужно было спуститься на первый этаж и через большой холл, мимо кухни и гостиной, пройти по длинному коридору со скрипучим деревянным полом к совмещенному санузелу.

Манина бабушка Роза стряпала на кухне. Мы бесшумно, по стеночке, крались мимо. Пахло мясом, овощами и жареными грецкими орехами.

– Во шуршит! – прошептала мне Маня.

– Чего шуршит? – не поняла я.

– Ну, папа ей сегодня сказал: мам, ты там пошурши на кухне, вечером к нам Павел зайдет. Вишь, как шуршит, – над Маниным лбом кривеньким ирокезом развевалась непокорная челка, – она обещала еще пахлаву к вечеру нашуршать, чувствуешь, как орехами пахнет?

Я принялась. Пахло так вкусно, что рот у меня мигом наполнился слюной. В животе громко заурчало, но я усилием воли придушила предательский звук в зародыше.

Мы тихонечко пробрались по коридору к ванной комнате и тщательно заперли дверь на засов. «Как Ниф-Ниф и Нуф-Нуф», – захихикала Манька. Первое, что в ванной бросалось в глаза, – это внушительного размера, на широкой резинке, панталоны, именуемые в народе тумбанами. Они висели напротив газовой колонки и на вид были совершенно устрашающие.

– Бабушкины? – спросила я.

– Ну не мои же, – фыркнула Манюня.

Для того чтобы наполнить ванну теплой водой, нужно было включить газовую колонку. Правда, здесь была одна загвоздка – прикасаться к спичкам нам строго-настрого запрещалось. Мы понимали всю преступность нашего замысла, поэтому старались действовать как можно быстрее и бесшумнее.

– Давай я чиркну спичкой и поднесу ее к газовому рожку, а ты открутишь вентиль, – предложила я.

– Давай, – согласилась Манька и тут же открутила вентиль.

– Я же сказала: подожди, пока я поднесу зажженную спичку, – упрекнула я ее.

– Ты чиркай быстрее, вместо того чтобы ушами хлопать, – рассердилась Манюня и вырвала из моих рук спичечный коробок. – Дай я сама, а то ничего не умеешь сделать по-человечески.

Она переломала штук пять спичек, пока наконец ей не

удалось зажечь очередную и поднести ее к колонке. В тот же миг раздался небольшой, но достаточно сильный взрыв, из колонки вырвался длинный сноп огня, обшарил стену напротив, погулял какое-то время по потолку и, не найдя ничего более достойного внимания, вцепился в тумбаны бабы Розы. Видимо, панталоны успели хорошо просохнуть или были из стопроцентной синтетики, потому что задымились вмиг.

– Аааааа, – заорали мы и стали колотиться в дверь ванной.

– Баааа, – кричала Манюня, – это не мы, оно само взорвалось!

– Бабаааа Розааааа, – орала я, – ваши тумбаныыыыы горяяяяят!!!

Ба уже стояла по ту сторону двери.

– Ты откроешь мне дверь, Мария, или позвонить папе? – выкрикнула она с плохо скрываемым беспокойством в голосе.

Волшебное словосочетание «позвонить папе» возымело на нас моментальное отрезвляющее действие, мы сразу вспомнили, как отпирается дверь. Ба ворвалась в ванную ураганом. Было достаточно дымно, но она моментально сориентировалась – закрутила вентиль, смахнула полуистлевшие тумбаны в раковину и пустила воду.

Мы попытались скрыться под шумок.

– Кудаааааааааа?! – крикнула Ба и схватила нас за шиворот. – Набедокурили и давай улепетывать? Кому было говорено не прикасаться к спичкам? Кому? – Она переводила

взгляд с меня на Маню и обратно. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Мы с Манькой взвизгнули и попробовали вырваться, но куда там! Ба держала нас так, словно наши шивороты прибили гвоздями к ее рукам.

– Ба, – стала канючить Манюня, – мы хотели вывести вошек!

– Вошек?! – Баба Роза собрала наши шивороты в одну руку и пошарила другой за спиной. – Я сейчас покажу вам, как надо вошек выводить! – Она огрела нас чем-то вонючим и мокрым. – Вы сейчас у меня попляшете со своими вошками!

Я сообразила, что это останки Бабырозиных тумбанов. Они отяжелели от воды и достаточно больно били по нашим спинам, поэтому мы сутулились и повизгивали. Ба вытолкала нас в коридор.

– Стойте здесь и не двигайтесь, двинетесь – будет хуже, – прошипела она и принялась наводить порядок в ванной. – Только что все вымыла, – причитала она, – и вот, на тебе, отвернулась на миг, а они уже устроили разгром! Вы люди или кто, – выкрикнула она, повернувшись к нам, – я таки спрашиваю вас – вы люди или кто???

Седые волосы Ба выбились из пучка и торчали в разные стороны, надо лбом развевался непокорный, как у Маньки, ирокез. Она глядела на нас потемневшими глазами и гневно ходила лицом.

– Таки я вас еще раз спрашиваю, вы люди или кто?! – не дождавшись ответа, выкрикнула она еще раз.

Мы жалобно взвизгнули.

– Баааа, ну чего ты спрашиваешь, ты что, не видишь, что мы девочки? – проскулила Манюня.

– Де-воч-ки, – передразнила баба Роза, – а ну-ка, марш сюда, надо умыться!

Она поволокла нас к раковине, пустила ледяную воду и плеснула ею нам в лицо.

– Аааааа, – взмолилась Манюня, – ты хоть теплую воду включииии!

– Я вам дам теплую воду! – Баба Роза усердно намылила по очереди наши лица вонючим хозяйственным мылом. – Я вам дам со спичками играть! – Она смыла пену тонной ледяной воды, от которой душа тоненько тренькнула и ушла в пятки. – Я вам дам не слушаться взрослых! – Она остервенело протерла наши лица вусмерть накрахмаленным вафельным полотенцем. Я глянула в зеркало – оттуда на нас смотрели две взъерошенные краснощекие девчонки с мученическим выражением на лицах.

Ба переполняло справедливое негодование.

– Откуда?! Откуда вы взяли, что у вас вошки? – принялась она выпытывать у нас.

– У нас таинственное шевеление в волосах, – хором выдали мы наш страшный секрет, – мы решили набрать полную ванну теплой воды и нырнуть в нее с головой на час, чтобы вошки задохнулись!

Ба изменилась в лице.

– Какой кошмар, – запричитала она, – то есть вошки бы утопли, а вы – нет?!!!

Мы с Манюней ошеломленно переглянулись. Что и мы под водой можем задохнуться, нам в голову не пришло.

Баба Роза поволокла нас на кухню.

– Сейчас вы у меня покушаете тушеных овощей, – безапелляционно заявила она, – и не надо кривить рот. Или вы все съедите, или не встанете из-за этого стола! Понятно? А потом, когда просохнут волосы, я посмотрю, что это за таинственное шевеление в ваших пустых головах!

Она наложила каждой по большой тарелке тушеных овощей и нависла над нами грозовой тучей.

– А мясо? – пискнула Маня.

– А мясом я нормальных людей кормлю, – отрезала Ба.

Мы вяло жевали ненавистные овощи. Овощи не глотались. Мы морщились и тихонечко выплевывали их обратно в тарелку. Манька демонстративно вздыхала и громко ковырялась вилкой. Ба делала вид, что ничего не слышит.

– Ба, – Маня намотала на палец прядь своих каштановых волос и подняла глаза к потолку, – а если бы мы поклялись, а потом не сдержали своего слова, что бы тогда с нами случилось?

– У вас бы вытекли кишки, – в сердцах бросила через плечо баба Роза. Она стояла к нам спиной и месила тесто, лопатки яростно ходили под ее цветастым платьем, – у вас бы вытекли кишки и всю жизнь мотались между ногами!

Мы притихли.

– Хорошо, что мы просто говнюки, – шепнула я Мане с облегчением.

– Ага, – выдохнула она, – если бы у нас между ногами всю жизнь мотались кишки, было бы хуже!

Глава 3

Манюня, или Все хорошо, прекрасная маркиза

– Будем брить наголо. – Баба Роза глядела, как каменный

истукан с острова Пасхи.

С Ба было трудно спорить. Ба была непреклонна, как гранитная скала. Когда оказалось, что мы с Маней благополучно обовшивели, она мигом забрала меня к себе, чтобы я не наградила вошками сестер.

– Не волнуйтесь, – успокоила она моих приунывших родителей, – я выведу это безобразие вмиг.

– Говорят, что можно керосином? – робко спросила мама. – Нужно нанести его на сухие волосы и продержать какое-то время.

Баба Роза сделала властный жест пальцами, словно собрала мамины губы в щепоть:

– Не волнуйся, Надя, все будет в лучшем виде!

Ночь мы провели в Манькиной комнате, спали рядышком на ее кровати.

– А давай мои вошки этой ночью придут к тебе в гости. – Манька собрала свои выющиеся каштановые волосы в хвост и уложила его сверху на мою голову. – Это будет братание моих вошек с твоими, – радостно добавила она.

Я так и уснула под ворохом ее волос, и снилось мне, что толпа Манькиных вошек перебирается мне на голову большим семейством Ноя с картины Айвазовского «Сошествие Ноя с горы Арарат». При этом у Ноя было лицо Ба, он грозил посохом и приговаривал: «Безобразница, ты не дала нам перебраться на волосы твоих сестер!»

На следующее утро Ба накормила нас завтраком и выгнала

во двор.

– Вы погуляйте немного, я сейчас вымою посуду и займусь вашими волосами, – сказала она.

Мы с Маней плелись по двору и попеременно горестно вздыхали – уж очень не хотелось в свои практически десять взрослых лет лишаться длинных волос.

– А папа тебе недавно ободок купил, с золотистой божьей коровкой, – напонила я Мане. Манька пнула со злости камушек, который лежал в траве, он отскочил и ударился о высокий деревянный забор.

– Ну хоть какое-то количество волос она оставит на наших головах? – с надеждой в голосе спросила Маня.

– Ничего не оставлю, – раздался за нашими спинами голос Ба, – эка невидаль, ходите лысыми, зато потом у вас отрастут пышные и кучерявые, как у дяди Мойши, волосы.

Мы с Манькой ужаснулись. Дядю Мойшу мы видели только на старых стертых фотографиях в альбоме Ба, это был невероятно худой остроскулый молодой человек с выдающимся носом и беспощадной пышности шевелюрой, вьющейся мелким бесом.

– Не хотим мы, как у дяди Мойши, – хором запричитали мы.

– Ладно, – легко согласилась Ба, – не хотите, как у дяди Мойши, будет шевелюра, как у Дженис Джоплин.

– А кто это такая?

– Наркоманка и дебоширка, – отрезала Ба.

Мы притихли.

Ба повела нас к длинной деревянной скамье под старым тутовым деревом. Она смахнула упавшие с дерева зрелые ягоды и сделала мне приглашающий жест рукой – садись. Я покорно села. Ба встала у меня за спиной и начала состригать под корень мои длинные волосы.

Манюня крутилась рядом и ахала с каждой падающей прядью. Она подняла одну и приложила к своей голове.

– Ба, а если бы у меня были такие светлые волосы, что бы ты тогда сказала? – спросила она.

– Я бы сказала, что ты не моя внучка, – протянула Ба в задумчивости, а потом спохватилась: – Мария, что за глупости ты несешь, какая разница, какого цвета у тебя волосы? И убери эту прядь с головы, тебе своих вошек мало?

Манька приложила волосы к плечам.

– А если бы я была вот такая волосатая? Смотри, Ба, какая, и с моих плеч свисали бы длинные пряди? – Маньке категорически нужно было выговориться, потому что с каждым щелчком ножниц приближался ее черед быть обкорнанной.

– Если ты меня будешь отвлекать, то я отстригу Нарке пол-уха! – пригрозила Ба.

– Не надо, – пискнула я.

– И ты помолчи, – прикрикнула Ба, – обовшивели обе! Уму не постижимо, где вы могли нахвататься вшей?!

Мы с Манькой воровато переглянулись. Ну, положим, на-

шему уму оно было очень даже постижимо.

На задворках Маниного квартала в старом каменном доме жила многодетная семья старьевщика дяди Славика. Дядя Славик был худющим, жилистым и крайне неказистым мужичонкой. Весил он от силы сорок кило и внешним своим видом напоминал зеленого головастого кузнечика. Когда дядя Славик смотрел собеседнику прямо в глаза, тому становилось неуютно от его редко мигающих широко расставленных глаз. Собеседник машинально начинал таращиться в надежде поймать в фокус Дядиславикины зрачки.

Дядя Славик дважды в неделю объезжал дворы нашего городка. Скрип колес его тележки, груженной всяким хламом, загодя оповещал о его появлении, так что, когда старьевщик, сопровождаемый своими тремя чумазыми детишками, въезжал во двор, хозяйки уже поджидали его внизу. Дядя Славик точил ножи и ножницы, скупал всякое старье, а если ему удавалось что-нибудь еще и продать, то счастьем его не было предела. Остальной хлам у него оптом скупал цыганский табор, который периодически раскидывал свои шатры на окраине нашего городка.

Мы с Маней, несмотря на строгий запрет родителей, часто убегали к дому старьевщика и возились с его детьми. Мы воображали себя учительницами и муштровали несчастных малышей как могли. Жена дяди Славика не вмешивалась в наши игры, наоборот, одобряла.

– Все равно на детей нет управы, – говорила она, – так

хотя бы вы их уговорите.

Так как признаваться Ба в том, что мы нахватались вошек у детей старьевщика, было смерти подобно, мы молчали в тряпочку.

Когда Ба закончила со мной, Манька тоненько взвизгнула.

– Аааааа, неужели и я буду такой страшной?

– Ну почему страшной? – Ба сгребла Маньку и властно пригвоздила к деревянной скамье. – Можно подумать, вся твоя красота в волосах, – и она выстригла крупный локон с Манькиной макушки.

Я побежала в дом, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Зрелище, которое открылось глазам, ввергло меня в ужас – я была коротко и неровно подстрижена, а по бокам головы двумя задорными листьями лопуха восстали мои уши! Я горько разрыдалась – никогда, никогда в жизни у меня не было таких ушей!

– Наринээээ?! – долетел до меня голос Ба. – Хорош любоваться своей тифозной физиономией, беги сюда, полюбуйся лучше на Маню!

Я поплелась во двор. Из-за могучей спины бабы Розы показалось заплаканное личико Манюни. Я громко сглотнула – Манька выглядела бесподобно, даже хлеще, чем я: у меня хотя бы оба кончика уха торчали равноудаленно от черепа, у Маньки они были вразнобой – одно ухо аккуратно было прижато к голове, а второе воинственно топорщилось вбок!

– Ну вот, – удовлетворенно окинула нас взглядом Ба, –

чисто крокодил Гена и Чебурашка!

Потом под наш дружный рев она ловко взбила в миске мыльную пену и нанесла ее нам на головы. Через десять минут под летним жарким солнцем сияло два сиротливых бильярдных шара. Ба повела нас в ванную и смыла остатки пены.

– Во, – протянула Манька, когда мы посмотрели на себя в зеркало, – хорошо, что сейчас каникулы. А представь нас в таком виде на сцене, в составе хора?

Мы покатались со смеху. Это было бы то еще зрелище!!!

– А... а... а... – не унималась Манька, – представь, что мы в таком виде исполняем на сцене какую-нибудь сонату ми минор для скрипки и фортепиано???

Мы сползли от хохота по стеночке на пол.

– Ой... ай... – только и могли выговорить мы, потому что от каждого взгляда на наши гладковыбритые головы нас разбирал новый приступ смеха. По щекам ручьями текли слезы, и мы только и делали, что стонали и хватались за животики.

– Весело вам, да? – раздался над нами голос Ба. – Пойдем, сейчас будет еще веселее!

Мы протерли глаза и снизу вверх посмотрели на нее. Ба возвышалась над нами монументом «Родина-Мать». Только в руках, вместо меча, она держала какую-то миску.

– А это что? – поинтересовались мы.

– Это маска, – важно объяснила Ба, – специальная маска, чтобы волос пошел густой и кучерявый.

– А из чего состоит эта маска? – Мы, заинтригованные, поднялись с пола и попытались сунуться носом в миску, но тщетно – Ба подняла ее выше, и мы не смогли дотянуться.

– Много будете знать, быстро состаритесь! – сказала, как отрезала.

Мы молча потопали за ней во двор.

– Сейчас я нанесу смесь вам на головы, а вы потом должны где-то час просидеть под солнцем, чтобы она хорошо впиталась, понятно?

– Понятно, – хором отозвались мы. В принципе, нам уже было безразлично, что еще может сотворить с нами Ба.

Забегая вперед, я таки скажу, что не зарекайся, пока не наступил климакс, как любила приговаривать Ба. Услышав в первый раз это выражение, мы дружно решили, что климакс – это плохая погода, и каждый раз, когда Ба так говорила, выглядывали в окна в надежде увидеть природный катаклизм.

Ба усадила нас на скамеечку и принялась споро наносить помазом маску на наши лысые головы.

– Не вертись! – прикрикнула она на Маньку, когда та попыталась посмотреть на меня. – Сиди смирно, а то заляпашь платье!

В томительном ожидании прошло минут пять.

– Ну вот, – удовлетворенно выговорила наконец Ба, – теперь можете расслабиться.

Мы глянули друг на друга и взвизгнули от неожиданности – головы наши были покрыты какой-то темно-синей густой

жижей. Я попыталась дотронуться до нее, но Ба шлепнула меня по руке:

– Нельзя трогать, кому было говорено?! Ровно час! – грозно пророкотала она и ушла в дом.

Это был тот редкий случай, когда мы побоялись послушаться Ба. И, хотя головы наши отчаянно чесались, мы обе сидели не шелохнувшись. Минут через двадцать маска обсохла, пошла трещинами и стала осыпаться. Мы воровато подняли отвалившиеся ошметки и протерли в пальцах – густые, неоднородные, с какими-то волокнистыми вкраплениями, они моментально окрасили руки в синий цвет.

Нашу исследовательскую деятельность прервал звук открывающейся калитки. Мы юркнули за тутовое дерево.

– Мам? – раздался голос дяди Миши, Маниного папы. Мы с облегчением вздохнули и выползли из-за толстого ствола.

Дядя Миша увидел нас и замедлил шаг. По причине близорукости он сначала прищурился, потом, не поверив своим глазам, оттянул пальцем уголок века сначала одного, потом обоих глаз. Мы подошли поближе. Зрелище, открывшееся Дядимишиному взору, судя по всему, было настолько неожиданным, что он какое-то время в ошоломлении изучал нас. Мы, видя выражение его лица, снова тоненько заскулили.

– Здравсстьи, дядьмиш, – сквозь слезы прошептала я.

– Мать вашу за ногу, – к дяде Мише наконец вернулся дар речи, – дети, кто это так с вами?

– Это Ба! – Манюня уже ревела в три ручья и от обиды заглатывала целиком слоги. – Она ска... что мы... буууудем... черявые... черявые... как... как... как... как...

– Как Жооопли, – внесла свою лепту во вселенский плач я.

– Как ктоооооо? – У дяди Миши глаза полезли на лоб. – Какой такой Жопли?!

– Наркоманкааа и дебоширкаааааа Жоооплиии, – нас с Маней уже невозможно было остановить. Мы разом ощутили весь ужас нашего положения – лысые! на все лето! не погулять! в булочную за слоеными трубочками не сбегать! в речке не искупаться! и самое ужасное – сверстники засмеют!

Дядя Миша попятился к дому.

– Маааааааааам?! – позвал он. – Что ты с ними сотворила? Был уговор обработать волосы керосином и продержат девочек вдали от огня какое-то время!

Ба вышла на веранду.

– Стану я вас слушаться! – проворчала она. – Потом еще спасибо мне скажете, когда у них отрастут пышные кудрявые волосы!

– Зачем кудрявые! У Маньки они и так были кудрявые! – Дядя Миша наклонился и принялся к нашим головам. – А чем это ты их намазюкала?

– Это маска! Рецепт Фаи, которая Жмайлик! Надо в равных пропорциях смешать порошок синьки, бараньи катышки и развести это дело в яичных желтках, – стала перечис-

лять Ба.

– Бараньи чего? – подскочили мы с Манькой.

– Катышки, катышки, – покатился со смеху дядя Миша, – сиречь какашки!

Мы с Манькой потеряли дар речи.

– Ба! Как ты могла?! – наконец взревели мы и кинулись в ванную, смывать маску с наших голов. Какашки легко и быстро смылись, но головы наши теперь отсвечивали нежным голубоватым колером.

Когда мы выползли на веранду, дядя Миша присвистнул.

– Мам, ну кто тебя просил? Ладно Маня, а что мы Наркиным родителям скажем?

– А ничего не надо говорить, – отрезала Ба, – они умные люди и, в отличие от тебя, оценят мои старания. Сходи лучше позвони Наде и скажи, что Нарку уже можно забирать.

– Ну уж нет! – Дядя Миша привлек нас к себе и поцеловал по очереди в сиво-голубые макушки. – Сама эту кашу заварила, сама ее и расхлебывай!

– Можно подумать! – фыркнула Ба и пошла в дом. – Позвонить ему трудно!

Мы, затаив дыхание, стали напряженно прислушиваться к разговору Ба.

– Алё? Алё-о? Надя? Здравствуй, дорогая, как у вас дела? У нас тоже все в порядке. Можете Нарку забирать... Почему сама не может прийти? Почему не может, очень даже может. Только панама нужна... Па-на-ма... Как зачем? Чтобы голо-

ву не припекло... А что волосы? Волосы – дело наживное, вчера были волосы, а сегодня уже нет, хехе!.. Ну что ты сразу охаешь, побрила наголо, ага... Керосин? Буду я керосин на них изводить! Все сделала в лучшем виде, маску нанесла, по рецепту Фаи, которая Жмайлик... Я ей, главное, говорю: не надо нам никаких масок, Фая, а она – сделай да сделай, заставила прям, над душой стояла... Ну и что, что она в Новороссийске, а я здесь?.. По телефону и заставила!.. Да не волнуйся ты, маска как маска, желток да синька, ну и по мелочи... По мелочи, говорю... Ну, бараньи катышки, делов-то... Что ты охаешь, можно подумать, я крысиного яду положила... Нет, все смыли, все в порядке, только голова синюшная... Синюш-на-я, говорю, как у утопленника... Зачем ты сразу пугаешься, живая она, живая, это от синьки она синюшная, день-другой, и все сойдет... А волосы быстро отрастут, это ж не зубы!.. Ага... Ага... Ну, до свидания, дорогая, ждем!

– Мам! – крикнул дядя Миша, когда Ба положила трубку. – Ты уверена, что не слышала на том конце провода звука падающего тела?

– Зиселе! – Голос Ба не предвещал ничего хорошего. – Ты таки напрашиваешься на свою порцию маски от тети Фаи!!!

Дядя Миша крикнул:

– Мам, ты бы лучше дала чего поесть, а то мне через полчаса возвращаться на работу. – Он весело подмигнул нам. – Ну что, жертвы компоста, пойдем поедим, надеюсь, обед уж точно обойдется без бараньих катышков?

Глава 4

Манюня, или Баба Роза демонстрирует чудеса гуманизма

На обед были жареная курица с рисом, зеленый салат и кисленький, освежающий компот из алычи.

Мы с Манюней прямо-таки пожирали птицу, тщетно пытаясь сохранить скорбное выражение на лицах. В идеале, конечно, нужно было демонстративно окочуриться на глазах у

Ба, чтобы она потом долго оплакивала нас, теребя в руках наши вшивые волосы. Но не существовало на планете Земля силы, которая могла заставить нас оторваться от хорошо прожаренной, хрустящей, ароматной курочки в исполнении Ба.

Дядя Миша посмеивался, искоса наблюдая за нами.

– Мам, ну посмотри на них, вылитые два мутанта-головастика! – не выдержал он.

Мы наострили ушки. Ба раздраженно отодвинула от себя тарелку.

– Поели все? А теперь марш из-за стола, к шести должны приехать ЛЮДИ, Нарку забирать, я хочу успеть испечь яблочный пирог.

– Ты хочешь шарлоткой искупить вину за нанесенный Нарке ущерб? – засмеялся дядя Миша. – Да за одни только бараньи катышки тебе придется расплачиваться бутылкой сливовой наливки!

Мы с Манькой тревожно переглянулись – дядя Миша явно искал приключений себе на голову. Ба смерила его тяжелым испепеляющим взглядом исподлобья.

– Молчу-молчу, – заторопился дядя Миша, – все, Фелен-Пелен, – повернулся он к нам, – я на работу, а вы ведите себя тише воды ниже травы, а то видите, к каким разрушительным последствиям приводят ваши эксперименты в вошководческой отрасли!

– Ты так уйдешь или тебя вперед ногами вынести? – лас-

ково поинтересовалась Ба.

– Да я уже практически ушел. – Дядя Миша чмокнул ее и выскользнул из кухни.

Ба накрыла ладонью щеку, в которую ее поцеловал дядя Миша, и простояла так с минуту, рассеянно улыбаясь одними губами. Мы с Маней каким-то звериным чутьем догадались, что ее сейчас нельзя отвлекать, поэтому сидели за столом не шевелясь и во все глаза наблюдали за ней.

Ба очнулась, посмотрела на нас изучающим взглядом, рассмеялась:

– А ведь правда выглядите как два мутанта-головастика.

Мы сочли ее смех за контрибуцию и вылезли из-за стола.

– Ба, а что такое мутант? – спросила Манька.

– Вырастешь – узнаешь, – ответила Ба, – но если станешь сейчас канючить, что да как, то не получишь сладкого, – она протянула нам ПО ДВЕ шоколадные конфеты.

Мы не поверили глазам своим – шоколадные конфеты от Ба были прямым свидетельством тому, что вселенная наконец-таки повернулась к нам лицом, а не тем местом, которым она стояла с самого утра. Ведь Ба категорически была настроена против шоколада, она считала его источником всех человеческих бед, начиная от энуреза и заканчивая синдромом Дауна. Поэтому, когда она добровольно протянула нам по две (!) шоколадных конфеты, мы, не мешкая, сорвали их с ее ладоней и выбежали прочь из кухни.

– А поблагодарить? – Голос Ба настиг нас на пороге и

больно толкнул в спину.

– Спасиииибо, Ба, – хором закричали мы.

На веранде Манька развернула обе конфеты и разом запихнула в рот.

– Это она из-за чувства вины перед нами, – прочавкала она, – ешь свой шоколад быстрее, пока Ба не передумала.

Теперь представьте себе эту дивную картину: под высоким раскидистым деревом тута на деревянной скамеечке сидят две обритые наголо неравномерно лопоухие девочки и отсвечивают голубоватыми черепами. За каждой щекой у них по кусочку сладкого счастья, они в блаженстве закатывают глаза, причмокивают и местами преступно исходят слюной... Жалкое, душераздирающее зрелище!!!

Когда конфеты были съедены, мы пошли прогуляться на задний двор. Походили бесцельно под фруктовыми деревьями, постояли над аккуратненькими гряточками кинзы, выдрали по листику, пожевали в задумчивости.

Вдруг заметили какое-то шевеление под грушевым деревом. Пригляделись с замиранием сердца. В траве лежал маленький птенчик – жалкий, голенький, криворотый.

– Ой! – ужаснулись мы. – Он, наверное, из гнезда выпал.

Посмотрели вверх, но за густыми листьями ничего не разглядели. Манька осторожно подняла птенца. Он беспомощно пищал и барахтался в ее ладонях.

Мы побежали в дом показывать нашу находку. Ба возилась с тестом для пирога на кухне, пахло корицей и жареным

миндалем.

– Ба! – крикнули мы. Она обернулась на наши голоса и вздрогнула от неожиданности.

– Вы меня напугали!

– Ага! – торжествующе выкрикнула Маня. – Теперь ты признаешь, что мы из-за тебя стали страшные как смерть, правда глаза колет, да?

– Я тебе покажу сейчас, как может правда глаза колоть, – взъерепенилась Ба, – что это у тебя в руках?

– Посмотри, что мы нашли, – Манюня сунула ей под нос птенца.

Ба недоверчиво оглядела нашу находку.

– Зря вы его взяли, он уже практическидохлый, – проворчала она.

– Ну Ба! – возмутилась Манюня. – Ничего он недохлый, смотри, – она ткнула пальцем в птенца, тот поморщился всем тельцем и задергал лапками. – Видишь? – победно сказала Манька. – Мы его спасли, а теперь будем кормить-поить-выхаживать! Ба, что мы можем ему дать?

Ба ни минуты не раздумывала.

– Можете откопать дождевых червей, хорошенько их разжевать и скормить этой дохлятине, – язвительно проговорила она.

– Фуууууу, Ба! – смешно наморщила носик Манька. – Представить даже противно. Вот если бы ты нам помогла...

– Ты мне предлагаешь самой разжевать червей? – Ба нена-

долго оторвалась от теста.

– А ты можешь? – Манька нетерпеливо запрыгала на одной ноге. Несчастный птенец трясся в ее руке безвольным комочком.

– Мария, – Ба глянула на Маньку поверх очков, – ты соображаешь, что говоришь?

Манька вылупила глаза. Потом надула щеки.

– А если напоить его молоком? – пискнула я.

Ба вздернула от удивления брови.

– Где это слыхано, чтобы птица кормила молоком? Ты хоть у одной птицы видела грудь?

– Видела! – Я решила пойти ва-банк. – У птицы гарпии, например, большая женская грудь. Я сама видела. В книге про античных богов.

Ба вспотела лицом.

– Так сходи к своей знакомой птице гарпии и попроси ее покормить этого дохлика большой женской грудью, понятно? – рявкнула она.

Мы молча переглянулись. Манька еще раз ткнула птенца. Он слабо зашевелился. Она положила его на краешек стола и погладила по голенькой спинке.

– Горе мое луковое, – прошептала умиленно. – Ба, мы можем его хлебными крошками накормить! – вдруг осенило Маньку. – И напоить водой из пипетки можем! Ты только дай нам крошек, Ба! И покажи, где пипетка, которой ты мне в ухо закапывала эту ужасную черную жидкость, помнишь? А

еще мы, например, можем его искупать. Набрать в мисочку теплой воды, побултыхать его там и уложить спать, накрыв платочком.

Ба простонала. Но Манюня ничего не слышала, Манюню несло.

– А если у него вдруг случится заворот кишок, мы пипеткой поставим ему клизму, – у Маньки покраснелись от волнения щеки, – ты ведь нам поможешь, Ба? Хотя не надо помогать, мы сами разберемся.

По окаменевшей спине Ба можно было догадаться, что сейчас случится непоправимое, но Манька этого не замечала, она была увлечена своими мыслями.

– Вот если бы ты еще умела мух ловить, – мечтательно протянула она, – или хотя бы мошек, а, Ба?

Ба со словами: «Да что же это такое!» – стремительно повернулась и с легким хрустом свернула птенцу шею.

– Вот теперь можете его хоронить со всеми почестями, – выдохнула она, не обращая внимания на наши вытянувшиеся лица. – Я даже готова вам на эту церемонию уступить железную баночку из-под индийского чая! Потому что лучше я его прямо сейчас убью, чем вы потом замучаете до смерти своими экспериментами!

Мы, потрясенные, в гробовом молчании забрали трупик птенца и пошли хоронить его на задний двор. Выкопали маленькую ямку под грушей, положили туда тельце и присыпали землей. Постояли какое-то время понуро над могилкой.

– Надо будет откопать его завтра и посмотреть, улетела у него душа или еще ТЕПЛИТСЯ В ГРУДИ, – задумчиво протянула Манька.

– Ты чего? – возмутилась я. – Какое там теплится, он ведь умер!

– Ну ты же слышала, как Ба рассказывала про гойские выкрутасы Иисуса с воскрешением? – Манька сорвала с ветки листик и намотала его на палец. – Может, это птичий Христос?

Мы в задумчивости усталились на могилку. Потом, как по команде, выбрали два деревянных прутика, сложили крест-накрест, обмотали травами, чтобы крестик не распался, и воткнули в одинокий холмик.

Автор приносит извинения своим замечательным читателям за богохульство. Автор сама является христианкой, правда, достаточно раздолбайского разлива, ну да ладно. В оправдание Ба автор текста может сказать, что с богом у нее были весьма непростые, продиктованные тяжелым детством и юностью, отношения. Ба принадлежала к одной из основных авраамистических религий и считала себя вправе с одинаковым остервенением костерить святых всех религий подряд. Все претензии просьба предъявлять исключительно автору, ибо Ба автор в обиду не даст.

Когда вечером приехали мои родители, на кухонном сто-

ле исходил умопомрачительным ароматом яблочный пирог. Ба полила его, еще горячий, растопленным медом, посыпала корицей и миндальной крошкой. Обжарила в большой чугунной сковороде кофейные зерна до масляного блеска, принесла из погреба свою знаменитую сливовую наливку в запотевшей бутылке темного стекла. Мы с Манькой добросовестно смолотили кофе в ручной кофемолке.

Ба вышла встречать маму с папой на веранду.

– Сидите на кухне, – шикнула она, грозно выпучив на нас глаза. – Ой, Наденька, Юрочка (чмок-чмок), как доехали? Ну и что, что пять минут езды, мало ли что может с вами случиться, колесо можно проколоть, бензобак может протечь, мазут может пролиться или какая еще беда приключиться. Вон у соседа нашего, Гора, сын чуть в машине не сгорел, говорили – замыкание (сочувственные ахи и охи). Я пирог яблочный испекла (громкое восторженное бормотание родителей), ага, ага, скоро и Миша приедет. Девочки сегодня себя чудесно вели, хоронили птенчика (тревожное бормотание). Да ничего страшного, они его подобрали, хотели клизму пипеткой сделать, пришлось несчастному свернуть шею, чтобы они его не замучили до смерти (растерянное покашливание). Вы только не пугайтесь, синюшность голов еще не прошла (тревожное покашливание), но это дело одного-двух дней, потом все придет в норму (растерянное мычание). Ну, что мы стоим на пороге, давайте пройдем на кухню!

Я не буду сейчас вам рассказывать в подробностях, какой

мощи пароксизм истерического хохота согнул моих родителей при виде наших голубых черепов. Как потом папа вертел наши головы в руках и, любовно пересчитывая все характерные шишечки, сыпал страшными словами брахикефалия, долихокrania и краниология, и этим вогнал нас в окончательный и бесповоротный ступор.

Как мама рыдала на плече у Ба, а Ба утешала ее и говорила, что волосы не зубы, ну ты же понимаешь, Надя, а мама с каким-то сладострастным облегчением вытерла сопли подолом платья Ба и сказала: «Тетя Роза, я все понимаю, только детей все равно жалко!!!»

Как папа с дядей Мишей стояли на веранде, с дымящимися чашечками кофе в руках, выкуривали сигарету за сигаретой и вели бесконечный диалог на тему, что пора бросать курить, Миша, конечно, пора, а то сколько можно, Юра!

День удался, в общем, на славу. Я заснула счастливая, в своей кровати, жестоко осмеянная сестрами, но с греющей душу мыслью, что где-то там, в пяти минутах езды от нас, в двухэтажном каменном доме спит Манюня и отсвечивает в темноту такой же, как у меня, гладковыбритый, голубоватого колера, головой.

Глава 5

Манюня, или Как мы сначала искали панамы, а потом Ба спасала сына

Выходить за порог с непокрытой безволосой головой мы наотрез отказывались, поэтому мама бросилась на поиски

панамок. Что ни говори, детство наше протекало в дивные времена, поэтому в единственном универмаге нашего городка в отделе головных уборов можно было жарким июньским днем приобрести только мохеровые свалаявшиеся шапки необъятных размеров да фетровую мужскую шляпу в количестве одна штука.

– Может, мы вам просто косыночки повяжем? – предложила мама. – Узелком под подбородком, будете Аленушками.

Косыночки повязывать мы наотрез отказались.

– Не по пять лет нам, – пробурчали.

Ба кинула клич по соседям, уезжающим в Ереван, с просьбой привезти нам панамки. Соседи звонили и рапортовали:

– Роза, в «Детском мире» выкинули чепчики для грудничков, есть вроде большие размеры, я пыталась натянуть на колено, они нормально натягиваются, ну ты же знаешь мои колени, Роза!

– Роза, в ГУМе потрясающей красоты пляжные шляпы с большими полями, сиреневые в белую ромашку, но по семь рублей и на взрослую женщину!

– Роза, в ЦУМе видели соломенные шляпы, что-то типа сомбреро, но они декоративные и за бешеные деньги!

– Роза, в магазине «Пчеловод» продаются каски с лицевой металлической сеткой, я пригляделся – можно плоскогубцами понакусывать и снять это забрало. Получится панамка, правда, на периметр головы 58 сантиметров. Какой у дево-

чек размер черепушек?

– Если бы у девочек были головы периметром в 58 сантиметров, мы бы их как гнет в кадке с квашеной капустой использовали, – ругалась Ба в трубку. – Хоть к телефону не подходи! – жаловалась она на следующий день маме. – Сбрендили они, что ли? Или жара на них так подействовала? Я им про Фому, а они мне про Ерему!!!

– Ничего-ничего! Сами справимся, да, девочки? – обернулась к нам мама.

– Угум, – прозвучало ей в ответ.

Мы с Маней любовались своим отражением в стеклянной дверце кухонного навесного шкафчика. И если я могла делать это спокойно, не поднимаясь на цыпочки, то маленькая и пухленькая Маня до своего отражения не «дотягивалась». Она забавно подпрыгивала и, поймав свою мордашку в стеклянной дверце, моментально строила рожицу.

– Налей-ка мне еще чайку, Надя, а то от одного взгляда на них у меня в горле пересыхает, – пробурчала Ба.

Если Ба пила чай, то только крутым кипятком и вприкуску. Мама покупала в магазине специальный сахар, который сильно отличался от хрупко-прозрачного рафинированного, – твердый, неровными большими кусками, он плохо растворялся в чае и оставлял белый густой пенный налет на поверхности. Мы кололи его специальными щипчиками и хранили для Ба.

Когда Ба приходила к нам в гости, она первым делом про-

сила чаю. Мама вынимала сахарницу и торжественно водворяла ее на чайный столик. Ба одобрительно кивала головой, принимала царственной рукой большую чашку исходившего паром напитка и, перекатывая во рту кусочек сахара, запивала его большими глотками, громко клопоча где-то в зобу.

– Я могу попробовать связать панамки крючком, – предложила мама, передавая Ба очередную чашку с чаем, – у меня есть подходящая тонкая пряжа. Потом мы их густо накрахмалим и придадим нужную нам форму.

– Не хотим мы вязанные крючком панамы! – взвыли мы. – Во-первых, ждать долго, пока ты их свяжешь, пройдет целая вечность, а во-вторых, они будут в дырочку, а через эти дырочки все увидят наши лысины!!!

– А у меня нет столько денег, чтобы с Маней по гостям на такси разъезжать! – рассердилась Ба. – Видите ли, стыдно им. Можно подумать, когда выйдете шляться по городу, люди подумают, что под панамами вы прячете не два пустых барабана, а ваши роскошные кудри!

Мы обиженно засопели, но взрослые уже не обращали на нас никакого внимания. После недолгого совещания они решили сшить нам панамки. Вытащили швейную машинку, порылись в бельеовом шкафу и нашли две голубые наволочки в желтый горох.

– Самое оно, – обрадовалась мама.

Через два часа кропотливой работы наши швей-мотористки явили миру свой инновационный взгляд на летние голов-

ные уборы в виде двух кособоких конструкций с неровными, чересчур широкими полями и бестолково торчащей высокой тульей.

Ба нацепила панамы нам на головы.

– Вполне себе ковбойские шляпы, – проговорила она с еле сдерживаемой улыбкой, – теперь никто не посмеет приставать к вам на улице, потому что у вас очень боевой вид!

Мы помчались любоваться собой. Повертелись перед зеркалом, встали и так и этак.

– А что, вполне, – Манька нахлобучила панаму на самый лоб и, подтянув поля, свела их под подбородком. Получилось что-то наподобие чепчика. Она выпучила глаза, выдвинула вперед нижнюю челюсть и прошамкала: – Деточка, дай рублик на жизнь!

Я покатила со смеху. Задрала поля своей панамы вверх, скосила глаза к переносице и растянула пальцами уголки рта.

– Ыыыыыыыы! – Мы повернулись друг к другу и замычали: – Ыыыыыы!

– Полюбуйтесь на этих дегенераток! – Голос Ба разнесся по квартире звуком иерихонской трубы. – Надя, а ты переживаешь, что им не понравятся панамы. Да они уже в своем обычном репертуаре!

* * *

Спустя неделю наметился совместный выезд в горы, с но-

чевкой в нашем дачном домике. Но дядя Миша внезапно слег с высокой температурой, и Ба осталась ухаживать за ним.

Папа забрал Манюню за день до нашего отъезда. Мы из кухонного окна наблюдали, как они парковались возле нашего подъезда. Пока добежали до входной двери, Манька уже вовсю трезвонила в звонок. Как только я отперла, она ртутным шариком вкатилась в квартиру и моментально заполнила ее своим птичьим щебетом. Следом за ней вошел папа и с трудом втащил в квартиру большой баул.

– Это что такое? – удивилась мама.

– Роза нам припасов на дорогу дала, – протер пот с чела папа.

Мама открыла сумку и стала по одному вытаскивать аккуратные свертки. С каждым новым свертком на ее лице все отчетливей выступало отчаяние.

Ба положила нам в дорогу луковый пирог, пирожки с капустой, дюжину отварных куриных яиц, банку айвового варенья, банку малосольных огурчиков, банку аджики, овощей килограммов пять и столько же фруктов, а также большую эмалированную кастрюлю с замаринованным на шашлык мясом. В кармане сумки мама нашла нож, спички, полпачки мелкой соли, рулон драгоценной туалетной бумаги, таблетки тетрациклина и цитрамона, йод, зеленку, вату и широкий марлевый нестерильный бинт в количестве одна штука.

– Судно забыла положить, – захохотал папа.

– Зачем ты это взял? – Мама уставилась на отца. – Мы что, не смогли бы Маньку прокормить?

– Вот позвони и скажи ей это сама, – рассердился папа, – можно подумать, Роза приняла бы мой отказ!

– А что сразу звонить? – испугалась мама. – Надо было оставить сумку за порогом и быстренько уехать!

– Да Роза проконвоировала нас до машины, а потом еще махала вслед рукой! На каком отрезке пути я мог оставить сумку? Знаешь, что мне Миша шепнул? Заберите, мол, ее с собой, а то она убьет меня своей заботой! – Папа быстренько съел пирожок с капустой и потянулся за вторым. Мама резво шлепнула его по руке. – Ты бы слышала, что мне Роза на прощание сказала! – Папа потянулся за луковым пирогом и получил второй шлепок по руке. – Если не получится до вечера сбить ему температуру, придется ставить клизму! Клизму! И это Мише, который в прошлом году перед операцией не ел два дня, только чтобы ему не промывали кишечник!

Мама прыснула.

– Это да, Миша лучше утопится в колодце, чем даст поставить себе клизму!

* * *

Через три дня мы вернулись с дачи и первым делом завезли Маню к ней домой. Во дворе под раскидистым тутовым

деревом на деревянной скамье сидел дядя Миша. В жаркий двадцатипятиградусный летний день он выглядел как солдат отступающей наполеоновской армии – на голове дяди Миши красовалась Манина вязаная зимняя шапка с помпоном, растянутые на коленях треники были заправлены в толстые шерстяные носки, а грудь крест-накрест была повязана цветастым платком Ба.

– Папочка! – Манька бросилась обнимать отца. – А зачем ты мою шапку надел, она же девчачья!

Дядя Миша стянул с Манькиной головы панаму и поцеловал в макушку.

– А ты уже обросла на целый миллиметр, – улыбнулся он.

– Ну что, Рендл Патрик Макмерфи, таки тебе промыли кишечник? – засмеялся папа, протягивая дяде Мише руку.

– Э, Юра, давно я тебя в шахматы не обыгрывал, вот и наглеешь, – неуверенно огрызнулся дядя Миша.

– А что так? – Папа сел рядом и нащупал пульс дяди Миши. – Пульс как у трупа. Где Роза?

– Роза на консилиуме у соседей, – фыркнул дядя Миша, – каждый час бегают к ним советоваться.

– Это у каких соседей, у Шаапунни, у которых дочь педиатр?

– Нет, у Газаровых, у которых сын ветеринар. – Дядя Миша посмотрела на отца долгим выразительным взглядом. – Газаров-младший недавно на ферме села Паравакар проводил мероприятия по профилактике субинволюции матки у

коров. Теперь, видимо, очередь до меня дошла!

– Чего? – Папа зашелся в громком хохоте. – Чего... говоришь... он там... проводил?

Мы не поняли ни слова из того, что сказал дядя Миша, но тоже рассмеялись – уж очень забавно он смотрелся в красной Маниной шапке.

– Уже вернулись? – раздался за нашими спинами радостный голос Ба. Мы обернулись. Ба боком заползала в калитку, в руках она бережно несла какой-то большой пакет.

– Мамеле, – отчаяние, выступившее на лице дяди Миши, легко могло растопить лед в сердце железобетонной конструкции, – что тебе еще всучил этот маньяк Газаров? Доильный аппарат «Буренка»?

– Ой-ой-ой, можно подумать! – Ба положила пакет на скамейку и по очереди расцеловалась с нами. – Доильный аппарат, скажешь тоже. Это всего-навсего плед из овечьей шерсти. Надо будет перемешать гусиный жир с луковым соком и втереть тебе в грудь и шею. Потом дать пропотеть под этим пледом. И хворь как рукой снимет.

Дядя Миша угрюмо уставился на пакет. Ба заботливо натянула ему шапку по самые брови и подмигнула нам.

– Доильный аппарат тобі треба, сына? Мигом організуєм! Любой каприз за ваши деньги!

Глава 6

Манюня – снайпер, или Мамам-папам девочек посвящается

Пролог

У папы появилось двуствольное ружье ИЖ-27, настоящее, с которым можно ходить на кабана. Автор дуб дубом в

охотничьих делах, так что знающим людям не возбраняется покрутить пальцем у виска, но, насколько помнится автору, с ИЖ-27 все-таки ходили на кабана. Или на какого-нибудь другого среднерогатого скота. Кажется.

Ружье отцу презентовал благодарный третий секретарь нашего райкома за исключительной красоты искусственную челюсть червонного золота.

Папа честно пытался отговорить этого безумного человека от затеи вырвать себе здоровые зубы и украсить рот переливающимся золотом, но тот стоял на своем.

– Ты понимаешь, доктор, – объяснял он отцу, – я недавно из Москвы вернулся, был на очередном пленуме ЦК, там большая часть делегатов союзных республик щеголяли с золотыми зубами!!! А я чем хуже, у меня что, золота мало???

Видимо, золота у третьего секретаря райкома было действительно немало, потому что папа сделал золотые коронки не только ему, но еще и его жене, теще, матери и дяде. В благодарность за проделанную работу сановный пациент преподнес папе ИЖ-27.

Папа трясся над ружьем как скупой рыцарь над своими сундуками. Вел с ним долгие душещипательные беседы.

– Когда-нибудь, – говорил он своему новому другу, – у меня родится сын, и мы с ним вдвоем пойдем на кабана!

Но пока сыном и не пахло, поэтому отец выезжал на охоту с друзьями. Возвращался он домой, как ни странно, в целости и сохранности, навеселе, с ружьем наперевес и пустой

охотничьей сумкой за плечом. За всю свою охотничью карьеру отец убил одну мелкогабаритную ворону, и то потому, что она зловеще каркала над нашими горе-охотниками, когда те пытались культурно отдохнуть после трехчасового безрезультатного прочесывания леса.

– Она каркала и каркала, ну я и выстрелил наугад, чтобы попугать ее, – рассказывал потом отец, – а ворона возьми и свались нам на голову!

При возвращении с охоты папа первым делом тщательно прятал ружье. Заходил он домой на цыпочках, в надежде, что дети его не услышат, но куда там! Мы сразу выбегали ему навстречу и вешались гроздьями ему на шею. «Хватит, хватит», – нарочито хмурился папа. Ружье предательски выглядывало из-за его плеча.

Конспиративно ссутулившись, отец пятился в сторону своей спальни, нашаривал дверную ручку, при этом смотрел на нас грозно выпучившись, заползал задом в комнату и тщательно запирал дверь. Папа пребывал в счастливой уверенности, что никто, кроме него, не знает, где он прячет ружье.

Хех, папа плохо знал своих дочерей!

Как только за ним закрывалась дверь, мы сбивались в стайку и, затаив дыхание, подслушивали. Далее раздавался один и тот же, наработанный годами, звукоряд.

Бум!

– Это он поставил стул под антресоли, – волновались ряды

преданных слушателей.

Хрясь!

– Ага, встал на стул и ударился головой о выступ.

Шур-шур-шур!

– Заворачивает ружье в газеты и прячет за одеяла, – удовлетворенно констатировали мы.

Бах! Бах! – захлопнул дверцы антресолей.

Плюх, – спрыгнул со стула (умильный вздох).

К моменту, когда папа, переодетый, выходил из спальни, наш след уже давно простывал.

Когда родители куда-то уезжали, мы часто забавлялись тем, что доставали папино ружье и по очереди перезаряжали его. При этом одна из девочек всегда стояла на стреме, чтобы сообщить о внезапном появлении родителей.

Завязка

Напротив нашего дома, через улицу Ленина, на счастливом расстоянии в триста метров (почему счастливым, поймете по ходу действия), окна в окна с нашей квартирой проживал мой классный руководитель и по совместительству физрук Мартын Сергеич. Мартын Сергеич был известным на весь город стукачом. Люди за спиной пренебрежительно называли его кагэбэшной шестеркой. В течение рабочей недели МС вел наблюдение за учителями и старшеклассниками и делал заметки в блокноте, а потом бежал куда надо с подроб-

ным докладом. «Аж пыль столбом стояла, когда он мчался в КОНТОРУ», – презрительно кривила мама губы, рассказывая отцу об очередном кроссе Мартына Сергеича.

Я ненавидела его всей своей неокрепшей одиннадцатилетней душой. Мартын Сергеич имел обыкновение на уроке физкультуры поглаживать девочек по спине и нашептывать на ухо разные замечания типа: «Тебе, Алиханян, неплохо уже лифчик купить, а то грудь выросла и трясется при беге» или «Тебе, Шаапунни, надо бы шортики свободного кроя, а то эти практически обтягивают ягодицы».

Манюня, хотя и училась в другой школе, из дружеской солидарности ненавидела физрука не меньше, чем я. Когда она оставалась у нас с ночевкой, вечером неизменно подходила к окну, шурилась и презрительно цедила сквозь зубы:

– У этого козла в окнах уже горит свет!

Когда жена Мартына Сергеича вывешивала стирку на просушку, мы зорко выискивали белье МС и злорадно его высмеивали.

– Смотрите, – покатывались мы со смеху, – Мартынто, оказывается, носит огромные семейники, они уж точно не обтягивают ему ягодицы!!!

Кульминация

Как-то в праздники мама с папой и младшими сестрами поехали в гости к папиному коллеге. Дома остались я, Маню-

ня и моя сестра Каринка, та еще штучка. С Каринкой можно было спокойно идти в бой, она любого дворового мальчика могла искалечить шипящим куском карбида или довести до слез издевками. К Каринке мы испытывали смешанное чувство любви, гордости и страха.

Остаться дома одним было для нас невероятным счастьем. Какое-то время мы забавлялись тем, что ковырялись в маминой шкатулке с бижутерией. Потом перемерили все ее наряды и туфли, перемазались ее косметикой и надушились всеми духами. Для пущего аромата Манька сбрызнула нас освежителем воздуха «Лесная ягода». Амбре, которое мы источали, могло скопытить вполне боеспособную роту пехотинцев.

Когда зубодробительный марафет был наведен, мы решили сообразить светский раут на троих. Сварили кофе, притащили сигареты, долго искали индийские курительные палочки, но мама их куда-то упрятала. Ничтоже сумняшеся подпалили сухие колоски камыша в маминой икебанае.

Сели пить кофе. С первой же затяжки мы закашлялись, с первого же глотка нас чуть не вывернуло. Раут не оправдал наших ожиданий. Мы вылили кофе, спустили недокурные сигареты в унитаз, проветрили кухню.

Вышли на балкон явить миру нашу неземную красоту.

Но покрасоваться нам не удалось. Напротив, на своем балконе, сидел Мартын Сергеич и читал газету. У нас сразу испортилось настроение.

– Давайте мы сконцентрируем всю ненависть в наших глазах и высверлим в его голове дырку, – предложила Манюня.

Мы принялись сверлить Мартына Сергеича взглядом, полным ненависти, но долгожданная дырка никак не высверливалась. Физрук потянулся, сладко зевнул и почесал себя в живот. Мы разочарованно вздохнули.

Тогда Каринка внесла новое предложение: а давайте, говорит, мы в него выстрелим из папиного ружья!

– А давайте, – всколыхнулись мы с Манькой и бросились наперегонки за ружьем. Вытащили с антресолей и притащили на балкон. Каринка уже заняла огневую позицию на полу за решеткой. Мы подползли к ней на брюхе и передали ружье.

– Зарядили? – грозно прошипела Каринка.

– Издеваешься! – возмутились мы.

Каринка заграбастала под себя ружье, долго прицеливалась и наконец выстрелила.

Раздался негромкий хлопок, мы выглянули из-за балконной решетки.

Мартын Сергеич сидел не шелохнувшись.

– Дай мне! – Манюня вырвала ружье из рук Каринки. – У меня глаз меткий, я его вмиг свалю!

Манька с минуту елозила пузом по полу, выбирая единственно правильную огневую позицию. Боевой чубчик ирокезом топорщился над ее лбом. Затаив дыхание, она долго прицеливалась, потом зачем-то зажмурилась, отвернулась и

стрелила внутрь.

Потом мы убрали ведро под мойку и аккуратно спрятали папино ружье.

– Наверное, жена Мартына Сергеича уже выплакала себе все глаза от горя, – сказала Манька, когда мы захлопнули дверцы антресолей и спрыгнули со стула на пол.

– Наверное, – нам внезапно стало жалко длинную, жилистую и некрасивую жену Мартына Сергеича. Она преподавала в старших классах историю и имела кличку Скелетина.

– А давайте мы позвоним им, – предложила я, – заодно, когда поднимут трубку, послушаем, что там творится.

Я вытащила телефонную книгу. Найти номер физрука не составило большого труда. Манька важно поднесла к уху трубку, набрала номер, послушала гудки, потом почему-то резко закашлялась и покраснела.

– Алле, здрассьти, а можно Анну? Не туда попала? Извините, – она шмякнула трубку на аппарат и обескуражено уставилась на нас.

– Ну что? – хором спросили мы с сестрой.

– Он сам подошел к трубке! Ни черта мы его не убили! Хорошо, что я не растерялась и спросила про Анну!

Нашему разочарованию не было предела. Пули, видимо, не преодолели расстояние в триста метров и шмякнулись где-то на полпути между нашими балконами.

Мы в глубоком унынии поплелись в ванную, смывать с лица боевую раскраску. Остальной день провели в нехарак-

терной для нас тишине, играли сначала в шашки, потом – в подкидного дурака.

Развязка

Когда родители вернулись из гостей, они застали в квартире идиллическую картину: три девочки, высунув языки, вырезали из журнала «Веселые картинки» платица и шапочки для бумажной девочки Тани.

Мама погладила нас по голове, назвала умницами. Потом принялась, закашлялась.

– Не душитесь всякой дрянью, – сказала. Мы заулыбались ей в ответ. Вечер обещал быть прекрасным и тихим.

– Это что такое? – Мамин голос раздался над нами как гром среди ясного неба. Мы обернулись. Она стояла на пороге детской и в удивлении изучала ровную маленькую дырку на дне мусорного ведра. Мама посмотрела на нас долгим колючим взглядом и протянула гильзы. – Что это такое, я вас спрашиваю, и откуда в мусоре стреляные гильзы?

Мы виновато переглянулись.

– Это не мы, – пискнула Каринка.

– А кто?! – Мамин голос не предвещал ничего хорошего.

– Ладно, это мы, – вздохнула я, – сначала мы хотели убить Мартына Сергеича, стреляли в него два раза с нашего балкона, но ты не волнуйся, он живой и невредимый, мы уже позвонили к нему домой, он сам подошел к трубке. А потом

я еще выстрелила в мусорное ведро.

Мама какое-то время переводила взгляд с нас на гильзы и обратно. Наконец по выражению ее лица стало ясно, что до нее дошел весь ужас содеянного нами. И до нас, кстати, он тоже дошел. Мы взвизгнули и бросились врассыпную.

Наказывала мама нас весьма своеобразно – в процессе нашего бега. Она хватала улепетывающего ребенка за шиворот или предплечье, отрывала с пола, награждала на весу шлепком и отправляла дальше по траектории его бега. Если она огревала нас достаточно больно, то остальную часть спасительной дороги мы преодолевали с перекошенными от боли лицами, а если нет – тут главное было убедительно сыграть эту перекошенность на лице, чтобы у мамы не возникло желания повторить свой фирменный шлепок.

Когда бежать стало некуда, мы попытались юркнуть мимо мамы в коридор. Первой на штурм ринулась Каринка, но мама схватила ее за шиворот, дернула вверх, пребольно ударила несколько раз по попе и отправила дальше. Каринка взвизгнула и, не останавливаясь, шмыгнула за угол. Через секунду из-за угла показалось ее сморщенное от боли лицо.

Пока мама отвлеклась на сестру, я попыталась проскользнуть мимо. К одиннадцати годам я успела вымахать в такую каланчу, что меня сложно было оторвать за шиворот от пола. Улепетывала я как комар-долгоножка, ловко переставляя длинными тонкими ногами. Поэтому мне достаточно легко удалось нырнуть под мамину руку и прорваться в спаситель-

ный коридор. Но я недооценила силу ее гнева.

Увидев, что жертва уходит безнаказанной, мама запустила в нее первым, что попало. А под руку ей попало пластмассовое мусорное ведро. Выпущенное маминой меткой рукой, оно нарисовало косую бумерангову дугу и, настигнув меня уже за углом, красиво вписалось в мое левое ухо. Мир, благодаря брызнувшим из моих глаз искрам, засиял доселе невиданными красками. Ухо моментально запульсировало и увеличилось в размерах раза в три. Я взвыла.

Но убежать далеко мы позволить себе не могли, потому что в плену у мамы остался драгоценный трофей – Манюня. Поэтому мы с Каринкой выглядывали, потирая ушибленные места, из-за угла и горестно подвывали друг другу.

У Маньки надо лбом росла непокорная прядь волос, которую, чтобы кое-как пригладить и уложить в прическу, надо было обильно намочить водой и пришпилить заколкой. В минуты крайнего волнения эта прядь развевалась над Маней грозным ирокезом. Вот и сейчас боевой чубчик восстал над моей подругой, как большое соцветие зонтичного растения. Манька поскуливала и затравленно озиралась на нас.

И тут мама явила миру все коварство одной отдельно взятой взъерепенной женщины. Она не тронула Маню и пальцем. Она выговорила ровным, холодным голосом:

– А с тобой, Мария, разговаривать будет Ба!

Лучше бы мама мелко нашинковала Маню и скормила собакам! Лучше бы она выстрелила в нее из папиного ружья!

Потому что разговаривать Ба не умела, Ба умела пройтись по телу так, что потом на реабилитационный период уходило дня два.

– Тетьнадь, – залилась горячими слезами Манюня, – не надо ничего рассказывать Ба, ты ударь меня по голове ведром, а лучше несколько раз ударь! Пожалуйстааааааааа!

Мы зарыдали в голос, мама обернулась на нас, потом посмотрела на Маню и разом упала лицом.

– Вы хоть понимаете, девочки, чем это могло закончиться? Вы хоть понимаете???

Эпилог

В тот же вечер папа отвез ружье своему неженатому коллеге, и они потом долго рыскали по его квартире в поисках укромного уголка.

Поздно ночью к нам заехал дядя Миша, и мама со слезами на глазах рассказала ему, что мы вытворили. Дядя Миша сначала молча выслушал маму, потом так же молча прошел в детскую спальню, поднял сонную Маньку с постели и отвесил ей могучий подзатыльник. Затем уложил ее обратно в постель и подоткнул со всех сторон одеяло.

– А потом знаете, что он сказал вашим родителям? – докладывала нам на следующее утро Манька. – Он им сказал – это правильно, что вы ничего не стали рассказывать Ба. Иначе мало никому бы не показалось. В том числе и вам. И мне.

Манька вздохнула и пригладила рукой складочки на юбке.

– Ба бы нас всех тогда побила, – взволнованно проговорила она и потрогала мое зудящее ухо: – Ого, еще горяченькое!

Глава 7

Манюня и ромалэ, или Ба сказала «господибожетымой»

Середина лета – жаркая для хозяек пора. Отходят черешня, абрикосы, малина, ежевика. Нужно успеть сварить варенье и приготовить джем. Нужно закатать в банки лучик лет-

него солнца.

Ба варила абрикосовый джем. На абрикосовый джем Ба слетались все пчелы с окрестных пасек, бабочки кружили за окном, радуга раскидывалась над домом Ба и связывала противоположные концы горизонта разноцветной подарочной лентой.

Природа регулировала температуру так, чтобы было не очень жарко, но и не слишком прохладно, а чтобы самое оно – градуса двадцать два, и легкий ветер колыхал ажурные занавески и деликатно постукивал ставнями открытых окон. Ибо даже природа старалась угодить Ба, когда она варила абрикосовый джем.

Потому что Ба в такие дни становилась совершенно несговорчивой и даже агрессивной. Конечно, в случае с Ба представить еще большую степень несговорчивости крайне сложно, но при большом желании можно.

Ба ваяла и творила, как Антонио Гауди на стройке собора Святого Семейства – без чертежей и набросков. И ни в коем разе нельзя было ее отвлекать, потому что она постоянно совершенствовала рецепт, добавляя ингредиенты на глаз, по щепотке, по ломтику, по крупинке... Уходила в сад и возвращалась с очередным букетом разнотравий: «В этот раз добавим еще листик можжевельника», – в задумчивости бубнила она себе под нос. Мы беспрекословно выполняли все ее поручения и, дабы не мешать ей, старались максимально слиться с обоями на кухне.

На нас с Манькой возлагалась обязанность подрумянить на большой сковороде фундук, выскрести ваниль из стручков, притомить в духовке апельсиновые и лимонные корочки, извлечь из абрикосовых косточек сладкие ядрышки и очистить от кожуры... Также мы вырезали из пекарской бумаги кружочки размером с горлышко банки. Эти кружочки Ба потом замачивала в коньяке и накрывала ими джем непосредственно перед закруткой.

За любой вопрос мы рисковали получить по лбу деревянной лопаточкой, которой Ба размешивала джем. Поэтому мы перешептывались, тихонечко пинались под столом или перемигивались. Ходили в туалет гуськом, по стеночке. Если Ба случайно натыкалась на нас, когда мы ползли, затаив дыхание, к выходу, она издавала глухой рокот грозовой тучи: «Ааааа, шлимазлы!!!» На шлимазлов мы никак не реагировали, потому что шлимазл являл собой чуть раздраженную, но, в принципе, вполне благодушную констатацию факта нашего существования. Но если Ба вдруг называла нас шлемиэлями, то у нас душа мигом уходила в пятки. Потому что этот таинственный шлемиэль она всегда сопровождала могучим подзатыльником!

Весь наш городок был в курсе, что Ба категорически нельзя отвлекать, когда она ТВОРИТ абрикосовый джем. Кажалось, даже глупые ласточки старались изменить маршрут своего стремительного полета в столь ответственный для мироздания день.

И только цыганам было невдомек. Впрочем, что с них взять. Ведь появлялись они у нас наездами, раз в несколько месяцев, и совершенно не обязаны были быть в курсе всех нюансов местечкового масштаба.

Появлению цыган предшествовал тревожный слух. «Цыгане идут, цыгане идут!» – новость клубилась, опережая табор, сизым дымом заползала в каждую квартиру, перетекала со двора на двор и расплзалась по кварталам. Смятенная тишина накрывала город кусачей мохеровой шалью. Люди свято верили, что цыгане воруют коней и детей, и, за неимением коней, прятали по домам своих отпрысков.

Табор раскидывал свои шатры неподалеку от городка, на берегу речки, и разводил в ночи высокие костры.

Показывались цыгане в городе на второй день своего приезда. Шли по улице цветастой говорливой толпой, о чем-то громко и весело переругивались, бренчали гитарами. Потом распадались на маленькие группки. Женщины ходили по домам и предлагали погадать.

Я помню, как однажды к нам в дверь позвонила цыганка. Она курила сигарету и поминутно громко смеялась хриплым смехом. И называла маму «красавицадайпогадаю». Мама слабо улыбалась и отказывалась.

– Может, какое шмотье есть дома, которое вы не носите? – спросила цыганка.

– Сейчас посмотрю, – заторопилась мама и ушла за одеждой.

Я стояла в дверном проеме и во все глаза наблюдала за незваной гостьей. Она следила за мной насмешливым взглядом, потом бросила окурок на пол, притушила его стоптанным носком туфли, поправила на голове платок.

– А знаешь, девочка, – сказала, – в твоей жизни все будет так, как ты захочешь, только тебе должно этого сильно захотеться.

– Знаю, – моментально соврала я.

Цыганка рассмеялась хриплым раскатистым смехом.

– Ну-ну, – сказала.

* * *

Колхозный рынок располагался в пятнадцати минутах ходьбы от дома Ба и в любое время года радовал глаз южным изобилием. Торговали там исключительно азербайджанцы, и долгое время прожившая в Баку Ба умела с ними договориться. Но сегодня подвела знакомая азербайджанка Зейнаб, которая из года в год привозила спелые медовые абрикосы на джем. Зейнаб бессовестным образом отсутствовала, и Ба, не увидев ее за привычным прилавком, сильно расстроилась.

– Где Зейнаб? – спросила она у продавщицы с соседнего прилавка.

– Слегла с ангиной, – ответила та, – ее сегодня не будет.

– А у кого мне, спрашивается, покупать абрикосы? – рассердилась Ба. – Можно подумать, она при смерти. Могла и с

ангиной выйти на рынок!

– Возьмите у Мамеда, – предложила продавщица и показала рукой, куда надо идти.

– Я сама решу, у кого брать, – отрезала Ба и демонстративно пошла в противоположную сторону.

Мы молча последовали за ней. У каждой из нас в руках была плетеная корзинка, куда надо было потом сложить абрикосы.

Ба обходила прилавки и придирчиво перебирала фрукты.

– Абрикосы сахарные, – уверяли ее быстроглазые торговцы, – попробуй, не понравятся – не бери. Они тебе на варенье или на джем, сестра?

– Буду я вам отчитываться, – обрубала на корню светскую беседу Ба, – лучше скажите мне, почему свой урюк продаете?

– Зачем урюк? – обижались продавцы. – Смотри, какие сочные абрикосы, прямо с ветки. Мы с четырех утра на ногах, сначала собирали, потом на продажу привезли!

– Меня ваша биография не интересуется, – отрезала Ба, – мне интересно знать, почему вы хотите мне всучить это убожество, от одного взгляда на которое волосы дыбом шевелятся!

– Два рубля, – обиженно протягивали продавцы.

– Вот сходите и купите венок себе на могилу за два рубля, – припечатывала Ба. – Где это видано, чтобы в июле за абрикосы такие бешеные деньги просили!!!

Переругавшись со всеми продавцами, она сделала круг и

наконец дошла до прилавка, на который ей указала соседка Зейнаб. Мы увидели груду отменных золотисто-медовых, прозрачных, подернутых утренней росой абрикосов. За прилавком стоял маленький сгорбленный мужичок в огромной кепке. Она была ему настолько велика, что, если бы не уши, прикрыла бы лицо забралом. Мужичок ежеминутно разглаживал на лбу околыш кепки и заправлял его за уши. Увидев Ба, он радушно улыбнулся, из-под пышных его усов выглянули два ряда булатных зубов.

Ба повернулась к соседке Зейнаб.

– Этот косоротый сморчок и есть твой Мамед? – крикнула она ей. Мы с Манькой чуть в землю не провалились со стыда.

– Зачем косоротый, – заволновался мужичок, – ничего не косоротый, Роза, можно подумать, ты меня первый день знаешь!

– А с того дня, как ты мне кислую малину продал, я тебя и знать не знаю, – сердито отрезала Ба, – почему твоя курага?

– Зачем курага? – Мамед обиженно поджал губы. – Посмотри, какой отборный продукт!

– Ты мне зубы своим замшелым продуктом не заговаривай, – встопорщилась Ба, – я у тебя цену спросила!

– Тебе, Роза, за рубль восемьдесят отдам!

– Рубль, или мы с тобой расходимся как в море корабли, – Ба достала из сумки кошелек и потрясла им перед носом Мамеда.

– Роза, – заплакал мужичок, – какой рубль, о чем ты го-

воришь, все по два продают! Рубль семьдесят, и считай, что я тебе сделал царский подарок!

Ба убрала кошелек в сумку.

– Рубль пятьдесят, – забеспокоился Мамед. – Роза, ты меня режешь без ножа!

– Пошли, девочки, – сказала Ба и величественно поплыла к выходу.

– Рубль сорок! – Мамед побежал за нами, крикнул кому-то на ходу: – Присмотри за прилавком.

Ба плыла сквозь толпу, как атомный ледокол «Ленин». Мы семенили за ней, боясь отстать и потеряться. Манька вцепилась в подол платья Ба, а другой рукой пошарила за спиной и поймала меня за локоть.

– Рубль двадцать, и это только потому, что я тебя сильно уважаю, – голос Мамеда потонул в гаме толпы.

Ба неожиданно резко остановилась, мы врезались ей в спину. Но она этого даже не заметила. Она обернулась, на лице ее сияла победная улыбка.

– Рубль десять, и я, так и быть, возьму у тебя семь килограммов твоей алычи!

* * *

По возвращении домой работа закипела со страшной силой. Ба промыла в проточной воде абрикосы, усадила нас за стол извлекать косточки. Притащила из погреба большой

медный таз – неизменный атрибут для приготовления всех ее восхитительных варений и джемов.

Села перебирать с нами фрукты. Особенно спелые абрикосы разделяла на две половинки и отправляла нам в рот – ешьте, ешьте, потом будете пукать на весь двор!

Когда медный таз был наполнен абрикосами – настал момент священнодействия. Ба величественно ходила кругами и добавляла то крупинку сахара, то капельку воды. Мы тихо-нечко возились за столом с ванильными стручками. В кухне стояла торжественная, благоговейная тишина.

– Красавица! – как гром среди ясного неба раздался голос за нашими спинами.

Мы обернулись. В окно кухни заглядывала цыганка – она вся переливалась под лучами летнего солнца: легкий платок, кофта, несметное количество бус на шее слепили глаз золотом и бешеным разноцветьем зеленого, красного, синего и желтого.

– Красавица, – сказала цыганка, обращаясь к Ба, – дай погадаю!

Голос цыганки произвел в кухне эффект разорвавшейся бомбы. Ба окаменела спиной, сказала «господибожеваемой» и резко повернулась к окну. Мы сгорбились за столом. Манька нащарила мою руку и произнесла одними губами: «Она сказала „господибожеваемой“!»

Страх Маньки был легко объясним – Ба обращалась к Богу в случаях крайнего, неконтролируемого, темного в своей

силе бешенства. Только два раза в жизни мы с Манькой удостоились от Ба этого «господибожетымой», и наказание, которое последовало за ним, по своему разрушительному эффекту могло сравниться только с последствиями засухи в маленькой африканской стране. Поэтому, когда Ба говорила заветное слово, мы инстинктивно горбились и уменьшались в размерах.

Но цыганка пребывала в безмятежном неведении. Она облокотилась о подоконник и улыбнулась Ба широкой, чуть бесстыжей улыбкой.

– Все расскажу, ничего не утаю, – протянула она мелодичным голосом.

– Уходите, – сдавленно прошептали мы, но было уже поздно.

Ба шумно выдохнула. Так тормозит локомотив, когда боится промахнуться мимо перрона – громким, пугающим пфффффффф.

– Пфффффффф, – выдохнула Ба, – а как это ты, милочка, к моему дому прошла?

– В калитку, она была не заперта, – улыбнулась цыганка.

– Убери локти с моего подоконника, – медленно проговорила Ба.

Цыганка не удивилась. Ей было не привыкать к раздраженному или настороженному к себе отношению, она много чего в своей жизни повидала и могла кого хочешь за пояс заткнуть. По крайней мере по выражению ее лица было за-

метно, что так просто она сдаваться не намерена.

– А хочу и облакачиваюсь, – с вызовом сказала цыганка, – что ты мне сделаешь?

– Отойди от моего подоконника, – подняла голос Ба, – и выйди вон со двора, еще не хватало, чтобы ты у меня что-то украла!

Было еще не поздно уйти по-хорошему. Но цыганка не представляла, с кем имеет дело. И поэтому она допустила роковую ошибку.

– А захочу и украду, – сказала она, – нам сам Бог велел воровать. Да будет тебе известно, что наш предок украл гвоздь, которым хотели распять Христа! И в благодарность за это Бог разрешил нам воровать!

Ба выпучила глаза.

– То есть благодаря вам этому вероотступнику вогнали в обе ступни один гвоздь? – спросила Ба.

– Какому вероотступнику? – не поняла цыганка.

Ба пошарила за спиной и нащупала ручку чугунной сковороды. Мы тоненько взвизгнули – не надо! Но Ба даже не глянула в нашу сторону.

– В последний раз тебе говорю, отойди от окна, – сказала она.

– А не отойду, – цыганка подтянулась на руках и сделала вид, что хочет перебраться через подоконник в кухню.

В тот же миг Ба запустила в нее сковородой. Сковорода перелетела через кухню и с глухим стуком врезалась цыганке

в лоб. Та покачнулась, всхлипнула и рухнула во двор. Мы прислушались – за окном царила мертвая тишина.

Ба спокойно повернулась к тазу с абрикосами. Осторожно перемешала джем деревянной лопаточкой. Мы с Манькой переглянулись в ужасе, нашарили ногами тапки, потянулись к двери.

– Наринэ?! – сказала, не оборачиваясь, Ба. – Набери своему отцу и скажи, что Роза убила человека. Пусть приезжает.

* * *

– Пять швов! Сотрясение мозга! Мам, ты соображаешь, что творишь? – Дядя Миша никак не мог успокоиться.

Был светлый летний вечер, пчелы с окрестных пасек кружили за окном ошалелым роем, соблазненные сладким ароматом абрикосового джема. Ба невозмутимо накрывала на стол. Нарезала крупными ломтями холодное мясо, выставила домашний овечий сыр, полила отварную картошку пахучим растительным маслом, посолила крупной солью, щедро посыпала зеленью.

– Мам, я с тобой разговариваю! – кипятился дядя Миша. – Ты хоть понимаешь, чего нам с Юрой стоило замять это дело, чтобы швы в больнице наложили без лишних вопросов?

Ба достала миску с камац-мацуном² и с громким стуком

² Кисломолочный продукт.

поставила на стол.

– Она мне сказала, что цыганам можно воровать, потому что их предок украл гвоздь, который должны были вогнать во вторую ступню Христа, – сказала она.

– Мам, ну мало ли что она сказала, не убивать же за это человека!

Ба вытащила из холодильника малосольные огурчики.

– Гвоздь они украли, – хмыкнула она, – дали бы умереть этому несчастному вероотступнику хотя бы как положено, чтобы в каждой ступне по гвоздю!

Дядя Миша лишился дара речи. Мы с Манькой стояли на пороге кухни и, затаив дыхание, прислушивались к разговору.

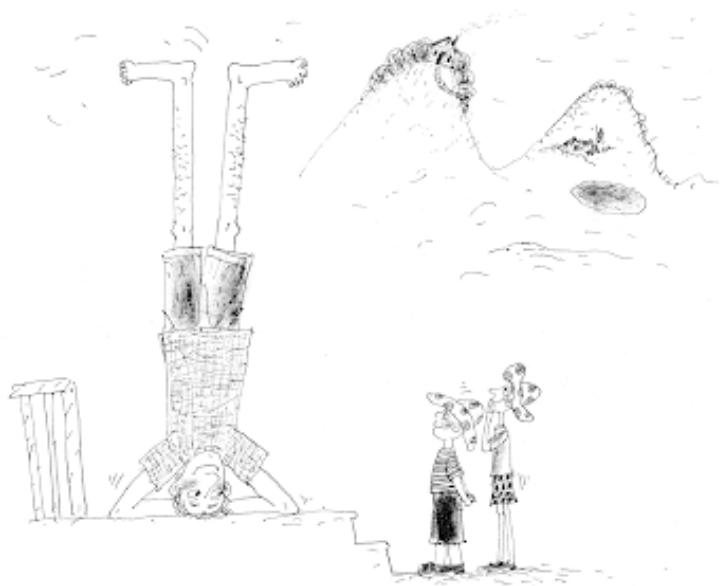
Ба разорвала руками хрустящий матнакаш³ и сложила в хлебницу.

– Можно подумать, он того цыганского предка об этом просил! – важно сказала она и повернулась к нам: – Сударыни, вы пойдете кушать или и вам для разнообразия по шву наложить?

³ Хлеб.

Глава 8

Манюня, или Что делает большая любовь с маленькими девочками

Лирическое отступление

Горы... Вы знаете, горы... Как вам объяснить, что для меня горы...

Горы, они не унижают тебя своим величием и не отворачиваются от тебя, вот ты, а вот горы, и между вами – никого.

Где-то там, внизу, облака – люди – ржавое авто, эге-гей, я частичка космоса, я Божья улыбка, я есмь восторг, посмотрите, люди, в волосах моих запутались звезды, а на ладонях спят рыбы.

Горы... Я их всегда ощущаю на кончиках своих пальцев, особенно остро – когда температуру.

Помню, нам с Манюней было по десять лет, мы стояли на вершине, держались за руки, и было нам очень страшно. Я сделала шаг к краю, и Манюня тоже сделала шаг, и сердце мое подпрыгнуло высоко к горлу и заклокотало – заполоскалось – затрепетало пойманной птицей.

– Иииииииииии, – выдохнула Маня, – иииииииииии.

А я и выговорить ничего не могла, я превратилась в один протяжный вдох, и высота манила вниз, можете себе такое представить, высота манит не вверх, а вниз, хочется разбежаться и полететь, но не до солнца, а до камней долететь.

И я обернулась.

– Па? – неуверенно спросила.

– Вы только не пугайтесь, – сказал папа, – вы просто запо-

минайте, вам теперь нести это в себе всю оставшуюся жизнь.

* * *

И помню другой день, и снова горы, мы стояли на берегу чистейшего горного ручья.

– Девочки, посмотрите сюда, – сказала моя бабушка Тата.

Она подняла с земли кусок подернутого ледяной коркой летнего высокогорного снега – от таких подтаявших ледников набирал свою силу журчащий ручей – и разломала его пополам.

И мы ахнули – все рассыпчатые внутренности снега кишели червями.

– Как такое может быть? – спросили мы.

– Прах еси и в прах возвратишься, – сказала Тата, – это касается и нас, и всего, что вы видите кругом, – снега, камней, солнца.

– И Бога? – осторожно спросили мы.

– И, конечно, Бога, – ответила моя мудрая Тата, – бессмертие – это такая непростительная трусость... Особенно непростительная ЕМУ.

А теперь история

Роковая встреча Мани с ее любовью случилась на нашей

даче.

Каждое лето моя семья выезжала в горы, где на макушке поросшего лесом холма, в маленьком дачном поселке, у нас имелся свой домик. Деревянный такой, добротно сколоченный теремок с верандой, двумя спальнями и большой кухней, совмещенной с гостиной. Выражаясь современным языком, мы являлись счастливыми обладателями загородного коттеджа, правда, с весьма скромной внутренней обстановкой. Двухъярусные детские кровати, например, нам сколотил знакомый плотник, при этом сколотил их так, что подниматься на верхний ярус можно было только по стремянке, ибо лесенка получилась настолько кривобокой, что ребенок, решившийся вскарабкаться по ней, рисковал свалиться и свернуть себе шею.

Аскетическое убранство дома с лихвой восполнял вид, открывающийся за окном. Когда ранним летним утром мы выходили на порог, природа, отодвинув занавес плотного утреннего тумана, являла нашему взору свою неповторимую, омытую прохладной росой красоту, дурманила острым ароматом высокогорных трав, шумела кронами вековых деревьев да манила в лес далеким криком одинокой кукушки.

Это было невероятное счастье – ощущать себя частичкой такой красоты.

Воздух в горах был вкусный и нестерпимо прозрачный, он не давил и не утомлял, он мягко обволакивал и успокаивал. Становилось звонко и легко от беззаботности своего суще-

ствования, да, становилось звонко и легко.

Просыпались мы с раннего утра от негромкого стука в окошко. Это наш знакомый пастух дядя Сурен принес домашних молочных продуктов.

Дядя Сурен был обветренный, грандиозный в своем сложении пятидесятилетний мужчина – огромный, широкоплечий, могучий, весь пропахший дымом от костра. Казалось, природа слепила его из цельного куска горной породы, он был красив той редкой и скупой красотой, внешней, но более – внутренней, которая свойственна жителям высокогорья. Росту в нем было не менее двух метров, по молодости он был быстр и неуклюж, но со временем приучил себя двигаться медленно и не столь резко, иначе, шутили люди, во-первых, за ним не поспевали коровы, а во-вторых, они пугались его размашистого крупного шага и не давали молока.

Дядя Сурен ежедневно гнал мимо нашего домика стадо по виду совершенно армянских, мосластых, тонконогих, широкозадых и, если вы позволите мне такое выражение, – носатых коров.

– Доктор Надя, – звал он маму (в его исполнении маминимя звучало как Натыйа), – я вам принес сепарированной сметаны.

Доктор у меня папа, мама – преподаватель, но дядя Сурен совершенно не брал в расчет такие нюансы. Среди простого люда авторитет отца и его профессии был настолько высок, что простирался над остальными членами нашей семьи

и облагораживал всех!

Мама выходила на крыльцо и забирала у дяди Сурена неожиданно кокетливый для его грозного антуража расписной эмалированный кувшинчик в мелкие лилии.

– Сурен, – говорила мама, – может, вы хотя бы сегодня зайдете попить с нами кофейку?

– Что вы, что вы, – пугался пастух, – меня стадо ждет!

Стадо коров действительно терпеливо переминалось на почтительном от нашего домика расстоянии, две огромные, ужасающего вида кавказские овчарки, вывалив из пасти длинные языки, остервенело махали маме хвостами.

Я, наспех одетая, стояла на стреме за дверью. Главное было не упустить момент. Дядя Сурен ежедневно приносил нам продукты: домашнее масло – желтое, чуть подернутое каплями солоноватой пахты, мацони, сепарированную сметану, брынзу или густое, еще теплое парное молоко. Продукты эти приносились якобы на продажу. Но после одной-двух дежурных фраз он вручал маме свой расписной кувшинчик и норовил ретироваться раньше, чем мы успевали расплатиться с ним.

Ритуал был трогательный и отработанный годами до мелочей: дядя Сурен стучался в окно, мама открывала дверь и приглашала его на кофе, он отказывался и моментально пунцовел – мама была чудо как хороша в светлом сарафанчике, с роскошными русыми волосами по плечам. По первости она, заинтригованная такой его реакцией, решила, что наш заме-

чательный знакомый просто стесняется зайти в дом, и стала выносить ему чашечку кофе на крыльцо. Дядя Сурен брал крохотную чашку в свои огромные руки и держал ее бережно в течение всего коротенького разговора, не осмеливаясь отпить и глоточка. Далее он возвращал маме чашку, оставлял у нас свой кокетливый молочник до вечера – не тащить же его с собой на пастбище, и спешно начинал пятиться в направлении своего стада. Вместе с ним приходили в движение его коровы и огромные овчарки. Если кто видел, как выходят армяне из григорианских храмов – пятясь, не оборачиваясь спиной к образам, то он может себе представить всю прелесть действия, разворачивавшегося перед маминым взором.

И в этот миг приходил черед моего выхода на авансцену – я выпрыгивала из-за двери, сжимая в руках деньги, и догоняла огромного дядю Сурена, коров и двух ужасающих на вид овчарок. Дядя Сурен прикрывал огромными ладонями свои карманы и всячески сопротивлялся: «Это моя Мариам для вас передала, – отбивался он, – не надо ничего, мы от чистого сердца, у вас вон сколько детей, это доктору, это девочкам...»

Если мне удавалось закинуть ему деньги в карман и отскочить до того, как он мне запихнет их обратно за шиворот, то я убегала без оглядки к дому, одним прыжком перемахивала через три ступеньки крыльца и захлопывала за собой дверь. Сердце колотилось так громко, что казалось – его стук эхом

разносится по соседним холмам.

– Удалось? – спрашивала мама.

– Аха, – выдыхала я.

– Ну слава богу, – говорила мама, – ты посмотри, какую он нам сметану принес!

Сметана была восхитительной – желтая, жидкая, в толстой пенке взбитых сливок на горлышке кувшина. Так что, милые мои друзья, когда торговцы на рынках нахваливают вам свою густую, первой свежести сметану, то они лукавят, конечно. Свежая сепарированная сметана жидкая, чуть гуще 33 %-ных сливок, и твердеет она только на второй-третий день хранения на холоде.

Я стояла у окна и следила, как стадо коров уходит вдаль. Холм утопал в утреннем тумане, и было такое ощущение, словно коровы подцепили своими высокими рогами нижний край туманного полотна и гордо несут его над собой...

Мама нарезала большими дольками мясистые помидоры, болгарский перец и огурцы, поливала сверху сметаной, посыпала крупной солью да зеленью, мы ели летний салат, заворачивали в лавашные влажные шкурки домашний козий сыр. Друзья мои, кому, кому еще сказать спасибо за эти божественные вкусы-запахи-воспоминания? Кого я еще забыла поблагодарить?

Помню, как в один такой день к нам из леса вышел большой бурый медведь. И, видимо, в тот самый миг ангел свел

домиком над нами свои ладони, потому что медведь постоял какое-то время, понаблюдал за нами, окаменевшими от ужаса, затем повернулся и неспешным шагом ушел в лес.

А вечером возвращался дядя Сурен, стадо медленно брело рядом – усталое, с набухшим выменем, густо мычало и топталось поодаль, пока пастух забирал у нас свою тару. Он приносил нам на большом листе лопуха горсть лесных ягод, орешков или грибов, которые мы потом запекали на решетке. Рассказать, как? Нужно было отделить аккуратно шляпку гриба от ножки, положить в каждую шляпку кусочек домашнего масла, чуть посолить и запечь на углях. Грибы подергивались дымным запахом костра, масло скворчало и впитывалось в мякоть, ммм, такая получалась вкуснотища!!!

Как-то утром мама долго не выпускала нас с Маней из дома, а все придирчиво разглядывала с ног до головы да поправляла наши платица. Мы переминались в нетерпении – за порогом нас ожидали неотложные дела. Вчера на склоне холма мы обнаружили большое семейство ядовитых грибов, именуемых в народе «волчий пук». Грибные шляпки имели сферическую форму, и если кто-то их задевал – мигом взрывались, распространяя вокруг немилосердную вонь. Мы с Маней передавили все грибы и долго плевались, приняхиваясь к отвратительному смраду, исходившему от них. Сегодня надо было проверить, что стало с истоптанными грибами, и продолжают ли они распространять вчерашнюю убийственную вонь.

Наконец мы вырвались из маминых рук и нахлобучили на головы наши кособокие панамы. При виде панам мама наморщилась, как от зубной боли.

– Может, все-таки косыночки вам повязать? – предложила, впрочем, без особой надежды в голосе, она.

– Нет! – закричали мы с Манькой. – Какие косыночки, ты нам еще слюнявчики повяжи!

– Понимаете, девочки, – мама замялась, – к тете Свете приехала ее сестра Ася с мужем и сыном. Не хотелось бы, чтобы вы выглядели перед ними пугалами. Остальные девочки все при полном параде, с аккуратными хвостиками или косичками, а вы носитесь в этих уродливых панамах, только народ распугиваете.

– Сами же их нам сшили, – обиделись мы, – сначала говорили, что у нас воинственный вид, а теперь, значит, мы два пугала, да?

– Ну, как хотите, – вздохнула мама, – вы только ведите себя прилично и не шумите сильно, а то у тети Аси муж из Москвы, и он, глядя на вас, может подумать, что здесь одни дикари живут.

– А чего это он должен так подумать? – рассердились мы.

– Так он же москвич, вырос в столице. Поди у них в городе все девочки ходят в ажурных платьях и делают книксен, – хитро улыбнулась мама.

Маня надулась.

– Можно подумать, – пробубнила она, – книксен они де-

лают! Эка невидаль. Пойдем посмотрим на этого москвича, заодно и покажем ему, как мы умеем делать книксен!

И мы пошли к дому тети Светы высматривать таинственного москвича. Тетисветын дом находился недалеко от нашего, на южном склоне холма.

– Ты хоть знаешь, что такое книксен? – Манька воинственно шмыгнула носом, поискала в кармане платок и, не найдя его, вытерла сопли тыльной стороной ладони.

– Не знаю, – мне было жутко обидно, что я, в отличие от московских девочек, чего-то не умела.

Мы какое-то время шли молча. Загадочное слово «книксен» взбудоражило наши умы, проникло в какие-то потаенные уголки сознания и требовало немедленной сатисфакции – нам хотелось прямо здесь и сейчас совершить какую-нибудь гадость. Я обернулась, посмотрела кругом – ни души.

– Москвички – в жопе спичкиииииииии! – проорала мстительно.

– А-ха-ха, – демонически рассмеялась Маня, – а-ха-ха!!!

– Не надо было грибы-вонючки давить. Можно было закидать ими двор тети Светы, – мы гаденько захихикали, – и, пока московский крендель ушами бы хлопал – наш след давно бы уже простыл.

Мы обошли холм южной стороной и приблизились к Тетисветыному дому.

– А вообще, как он выглядит, этот москвич? – задумчиво протянула Маня.

– Красивый, наверное. Обязательно в футболке с олимпийским мишкой на груди, – стала разбалтывать я свои сокровенные фантазии, – играет на гитаре и ест мороженое эскимо столько, сколько ему влезет, как старик Хоттабыч!

– Ну, – Маньке в целом понравился образ, который я нарисовала, – пожалуй, я была бы не против, если бы он еще трамваи водил.

– Трамваииии, – закатила я глаза, – дааааа, это было бы вообще здорово!!!

Манька посуровела.

– Но в целом он гадкий и сморкается в скатерть, а еще у него из носа торчат пучки волос, – заявила она.

– И уши у него волосатые! – вставила свои пять копеек я.

Наконец мы дошли до дома тети Светы, толкнули калитку и вошли во двор. Сделали несколько шагов по вымощенной речной галькой тропинке и встали как вкопанные.

На веранде Тетисветыного дома, аккуратно за глухими перилами, на фоне деревянной стены торчали две длинные бледные ноги. Они бесконечно тянулись вверх и весьма предсказуемо венчались большими плоскими ступнями. Ноги были в меру волосатые и воинственно топорщились острыми коленями.

– Это что такое? – вылупилась Манюня. – Это как называется, он вошел в дом, а ноги отстегнул и оставил на пороге вверх ступнями проветриваться?

– Да ну тебя, – захихикала я, – просто туловище за ограж-

дением, вот мы его и не видим, он на голове стоит!

– А чего он на голове стоит, у них в Москве так принято гостей встречать? – съехидничала Манюня. – Пойдем поздороваемся с этим ненормальным, что ли.

В тот же миг ноги исчезли за перилами. Мы замерли.

– Сейчас покажется, – шепнула Манька. Но из-за ограждения никто не появлялся. Мы прислушались – ни звука. – Умер, – шепнула Маня, – а может, просто уснул. Пойдем, чего мы тут стоим, надо же ему книксен сломать!

Мы осторожно прошли вдоль веранды, поднялись по ступенькам и заглянули туда, где с минуту назад торчали ноги.

– Бу! – неожиданно выскочил нам навстречу высокий молодой человек.

Мы взвизгнули и пустились наутек. Но молодому человеку в комплекте с длинными ногами выдали не менее длинные руки, поэтому он быстренько схватил нас за плечи.

– Ну я же пошутил, девочки, что вы так испугались, – улыбнулся он. – Давайте знакомиться, меня зовут Олег, а вас как величают?

Мы зачарованно смотрели на него снизу вверх и молчали, словно воды в рот набрали. Олег выглядел как главный герой из фильма «Пираты XX века» – такие же голубые глаза, широкий лоб и ямочка на подбородке. А еще у него на шее болтался ажурный крестик.

– Ааааа, я понял, вы, наверное, немые, да, девочки? – хитро прищурился Олег.

– Да, – подала голос Маня, – мы немые, а зато у вас ноги бледные и волосатые!

– А у вас изумительные головные уборы, они вам очень к лицу, – загоготал столичный гость.

– Это не головные уборы, – рассердилась Маня, – это чтобы нам лысины прикрывать. – И, к моему ужасу, сдернула с головы панаму.

– О! – Наш новый знакомый растерялся, но быстро нашелся: – Ну и что, вы и без волос писанные красавицы.

Маня засопела, скрутила жгутом панаму, потом сунула ее мне:

– Забери себе, – прошипела уголком рта.

Я молча взяла панаму и разгладила ее в руках.

– А еще нам сделали маску из бараньих какашек и синьки, и какое-то время мы ходили с голубыми головами. – В Маньку словно бес вселился.

У гостя из столицы вытянулось лицо. Нужно было срочно спасать положение, пока он окончательно не решил, что столкнулся с дикарями.

– Всего два дня! – кинулась я восстанавливать нашу пошатнувшуюся репутацию. – Всего два дня мы ходили с синими головами, а потом маме с Ба пришлось шить панамы, потому что кругом дефицит и достать в магазине ничего нельзя! Поэтому мы сейчас выглядим как два пугала.

Манька пребольно пихнула меня локтем в бок.

– Дура! – прошипела она.

– Сама такая! – пихнула я ее в ответ.

Олег зашелся в хохоте. Мы с каменными лицами пережда-
ли беспардонное зубоскальство московского гостя. Он от-
дышался, протер ладонями брызнувшие из глаз слезы – на
безымянном пальце его правой руки блеснуло желтой полос-
кой обручальное кольцо.

– Девочки, а вы мне определенно нравитесь, – выговорил
он наконец, – и акцент у вас такой забавный!

– А у вас акцент препротивный, – пошла в наступление
Маня. – И кольцо вы носите не на той руке!

– Как это не на той? – Олег растопырил пальцы, а потом
помахал ими у нас перед носом. – Наоборот, на той, право-
славные носят обручальные кольца на правой руке.

– А мы, получается, левославные, – решила блеснуть эру-
дицией я.

– В смысле – левославные? – удивился Олег.

– Ну, в смысле, что носим обручальные кольца на левой
руке, – отрапортовала я.

Мне этот Олег сразу понравился, и я, что греха таить,
старалась тоже ему понравиться. В моей душе зашевелился
укол ненависти к этой противной Асе, которой достался та-
кой замечательный молодой человек.

– А это правда, что вы из Москвы? – поинтересовалась я.

– Правда, я родился и вырос в Москве. Потом женился на
тете Асе. А потом у нас родился сын Артем. Ему пять, и он
очень хороший мальчик, я надеюсь, что вы с ним подружи-

тесь.

– Очень надо, – огрызнулась Маня.

Я помертвела. Мне было очень стыдно за свою подругу. Манька из улыбчивой и вежливой девочки превратилась в маленького злого бесенка, смотрела исподлобья, стояла руки в боки и воинственно топорщилась круглым пузом.

Но отчитывать подругу при чужом человеке было бы последним делом, поэтому я, как ни в чем не бывало, продолжила светский разговор:

– А где ваша жена?

– Они со Светой и детьми пошли прогуляться по поселку, а я решил пока заняться йогой, – пояснил Олег. – Скоро вернутся, вы сможете познакомиться с нею.

– Ладно, я пошла, некогда мне тут с вами разговаривать, – процедила сквозь зубы Манька.

Она сделала лицо кирпичом, спустилась по ступенькам во двор, вырвала голыми руками торчащий из-под лестницы стебель матерой крапивы и, размахивая им по сторонам, пошла к калитке. Я покорно поплелась за ней, предварительно сдернув со своей головы панаму, – позориться, так вместе. Вырвать стебель крапивы смалодушничала.

– Девочки, вы так и не сказали, как вас зовут! – крикнул нам вдогонку Олег. – И скажите на милость, зачем вам крапива?

– Зита и Гита, – не оборачиваясь, зло ответила Маня, – нас зовут Зита и Гита, а крапива нам нужна для занятий йо-

гой. – Она пропустила меня вперед и демонстративно громко стукнула калиткой.

Мы прошли вдоль забора Тетисветыного дома и свернули за угол. И только здесь Маня выкинула крапиву в кусты.

– Кусачая, зараза, – процедила она сквозь зубы.

– Чешется? Может, смочить ладонь водой? – спросила я.

– До дома дотерплю, – Маня впервые глянула на меня и тут же отвела глаза. Выражение ее лица было такое, что у меня сразу пропала всякая охота задавать ей лишние вопросы.

– А давай наперегонки! – предложила я.

– Побежалиииииии! – заорала Манька.

Когда мы ворвались в дом, мама пыталась накормить мою младшую сестру Сонечку картофельным пюре. Маленькая Сонечка чуть ли не с рождения демонстрировала поразительную разборчивость в еде. Все, кроме докторской колбасы и перьев зеленого лука, она категорически исключила из своего рациона. Вот и сейчас она с облегчением выплюнула пюре себе на слюнявчик и потянулась ручками к нам.

– Зями меня на юкки, – пролепетала жалобно.

Манька состроила ей козу, погладила по головке. Хмыкнула. Из ее ноздри выдулся большой пузырь. Маня с шумом втянула его обратно.

– Тетьнадь, я, кажется, влюбилась, – ошарашила она маму.

– Так, – мама вытащила из кармана платок и заставила Маньку высморкаться, – и в кого это ты влюбилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.